

A man with a beard and sunglasses, wearing a black leather motorcycle jacket, is riding a motorcycle. The background is a composite image showing a city skyline with skyscrapers on the right and a hillside with a large stone building on the left, all under a bright, hazy sky. The man is looking slightly to the right.

ЕЛИЗАВЕТА ДОМИНА

ИНКВИЗИТОР

18+

Елизавета Домина

Инквизитор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68338580

SelfPub; 2024

Аннотация

Облачный город оживляет тени прошлого. Пороки, похоть и распутство ожидают своих жертв в капканы заблуждений. После службы в горячей точке Мирон таинственно покидает родной посёлок. Поиск предназначения приводит его на работу в секретный отдел Облачного города. Под чутким руководством начальника – Петра Сергеевича (Апостола) молодой сотрудник знакомится с новой реальностью, в которой ему предстоит контролировать соблюдение правил. В разработку попадает новый "Объект" – неинициированная девушка. Цель Мирона – максимально сблизиться и обезвредить ведьму до пробуждения. Обратите внимание: в книге присутствуют описания откровенных сексуальных сцен.

Содержание

Письмо	6
Он	11
Она. Полгода назад	15
Он	20
Они	27
Рассвет	31
Апостол	36
Детство Мирона	40
Схема	45
Встреча	52
Сбор информации	59
Отрешение	66
Егерь	72
Воронье крыло	77
Детство Анны	88
Дом музыки	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Елизавета Домина Инквизитор

She was like April sky

Sunrise in her eyes

Child of light, shining star

Fire in her heart

Brightest day, melting (snow)

Breaking through the chill

October and April

He was like frozen sky

In October night

Darkest cloud in the storm

Raining from his heart

Coldest snow, deepest chill

Tearing down his will

October and April

The Rasmus feat. Anette Olzon

Письмо

Первые осенние ливни наполнили город влагой. Ты научил меня любить дождь: не прятаться под зонтом от капель – раскрываться навстречу миру, доверять природе. Природе вещей, судьбе.

Кто-то придумал называть островок бизнес-центров «Стеклянной шаурмой». С набережной Багратиона, в свете ночных фонарей, величие разности Нового и Старого Света очевидно. За спиной – фундаментальные сталинки, впереди река, за её берегами – горизонт с небоскрёбами. В этих сооружениях ежедневно тысячи людей трудятся во благо финансовых потоков. Там струится энергия, сетевые подключения, под чутким руководством системных администраторов строят архитектуру будущего. Всегда было интересно, как можно выстроить что-то, когда фундамент прошлого затёрт?

В воздухе ароматы пожухлой листвы, травы, близкой к сезонному увяданию. Город насыщен влагой и грустью прощания с ушедшим летом. На стоянке рядом – шумные байкеры. В своей экипировке они напоминают пришельцев. С ними рядом мне спокойно, ты же называл меня инопланетной. Вот почти мой космос. Совсем немного, и мотосезон будет закрыт. Последние тёплые дни осени – хороший повод прокатиться по ночному городу перед тем, как пересесть в комфортные автомобили. Громко играет музыка. Я не замечаю

шума вокруг. Ты научил меня уходить в свои миры тогда, когда захочу этого сама. Есть одно но. Ты не спросил меня до погружения, готова ли я к этому.

Стоит ли говорить о размерах, когда суть можно передать лишь масштабами? Если масштабировать карту города в рамках привычной геолокации, он достаточно большой, чтобы считать его мегаполисом. Если рассматривать с точки зрения насыщенности, в последние годы замечаю, что размеры его значительно сужаются до сообществ, групп по интересам, идеологиям. Возможно, это тоже твоё влияние, чтобы проще было не утонуть в суете городских огней. Чем больше попыток зачистить его от посторонних идей, тем тесней он становится, сохраняя лишь географию на картах.

Если смотреть на город по изображению со спутника, можно заметить белые облака, закрывающие важные территории от постороннего взгляда. Этих секретных пятен на карте становится всё больше, неподвижным изваянием в картографии они накрывают город, сокращая области свободных перемещений. Облачный город, который так старательно предыдущее десятилетие очищают, отмывают, красят, перекапывают, переселяют, перенаселяют, загоняют под камеры наблюдений. Островков, свободных от ига Большого Брата, меньше с каждым днём.

Большой ли город сейчас? Пока маленькие группы людей продолжают отстаивать свои зоны интересов, для них — да. Для меня же, как прочитанная книга: когда иллюзионист

раскрывает секрет фокуса, магия исчезает.

Зачем ты это сделал? Сузил круг интересов до принятия тебя одного и растворился в тумане на таком же харлее, который стоит сейчас рядом. Теперь у меня есть право выбора, что сделаю я со свободой мысли. Чуждость происходящего вокруг всё больше отталкивает от привычной реальности. Могу, напоследок, попросить «пришельца» прокатить меня. Попробовать начать сначала. Влюбиться, забыться, шутить, просто жить. Признав твой мир несправедливо мрачным. Ордалия, где обвинитель забирает дом обвиняемого.

Может, стоит читать «Молот Ведьм» на ночь не только в поисках, кого можно обвинить, но и заглянуть к себе в душу. Не надо давать свободу тому, кого когда-то сам топил. Я же всё помню. Мы обязательно встретимся в тот момент, когда вопросы будут задавать тебе. Ты же помнишь, в том, Старом Свете, это уже было. Просто мы не успели.

В этих растущих с каждым годом развязках и кольцах города, цикличность, символ кармических воплощений – становится привычным стилем заблуждений, превращая напряжение от полей Нового Света в пружину, готовую вот-вот раскрыться, с эффектом квантового скачка. Думаешь, что ты прав? Не учёл того, что зону перегрузки выдержат лишь подготовленные. Не слишком ли высока цена твоих трансформаций? Выход из зоны комфорта – словно сказка, про избушку лубяную и ледяную. Вы, главное, идите, ищите, стройте, пока ваши дома займут те, кто придумал необходи-

мость покинуть зону комфорта.

Почти излечилась от ночных пробуждений с ароматом твоего парфюма в пустой комнате, от фантомных болей воспоминаний. Я знала, что ты придёшь. Задолго до встречи. В этот раз я не пойду через воду. В ста метрах от меня – гранитные своды крытого моста. Теперь о своей безопасности подумаю сама: опрометчиво доверять тем, кто когда-то уже предал. Сегодня на спутниковых картах я сокрыта белым облаком. Как что-то недоступное для чужих глаз и проникновений. И от твоих тоже...

Заполню анкету, в которой уверенно поставлю галки, в пункте «имели ли вы доступ к секретной информации». Спокойно перейду по мосту и оставлю тебя в прошлом. Не надо думать, что ты найдёшь меня теперь в «Стеклянной шаурме». Я не живу там, где воздух пропитан выхлопными газами и от напряжения фоновый шум.

Зайду на мост. Ты увидишь облако на карте. А дальше – облако просто исчезнет. Просто потому, что я скину маячок в воду, прекратив слежку. Не стоило думать, что я не догадалась, где сокрыт источник твоего информирования о моей жизни. Жаль, кольцо было красивое и нравилось мне. Попрощаюсь с ним в пределах третьего транспортного кольца.

Символично было бы сделать это на Чистых Прудах. Но происхождение названия не вдохновило меня на идею расставаться там, где из мясных рядов сливали обмывки крови в пруд. «Животинный двор». Мост между Старым и Новым

Светом гораздо привлекательней. Надеюсь, ты меня поймёшь.

Он

Долгие годы пути до вершины. В стеклянных гранях стакана хлопает Blue label. Шестидесятый этаж башни Федерация. Вопреки всем представлениям, обзор на ночной город здесь зачастую покрыт туманами непроглядного смога. Его пирамида удалась, но что толку, когда пусто внутри? Единственный шанс почувствовать себя хоть немного живым – заливать виски, не подпуская воспоминаний о прошлом. Перечитал письмо в третий раз, смял. Чиркнул зажигалкой. Пламя жадно поглотило клочок бумаги. Но не его память.

– К вам гости, встречайте.

Он готов к этому, он сам намеренно шёл к такому исходу. Через десять минут сотрудники преодолеют в лифте расстояние от земли до его Небесного рая. В квартире начнутся маски-шоу с поиском улики и доказательств, его увезут.

Какой смысл отпираться в том, что нарушил устав, если её больше не будет рядом? С тоской посмотрел на башню Нового Света, с теплом – на своды гранитного моста и сталинки. Его увезут в неизвестном направлении. В неизвестном для других, для себя он имел представление. Предстоят долгие допросы и попытки уличить его во лжи. Всё это в поисках «Объекта», за которым он должен был наблюдать и играть в любовь, ради удержания в нужных маршрутах.

Тесная комната, стол, тусклый свет лампы.

– Где Объект? — вопрошающий взгляд безжалостного палача сверлит душу.

– Я не знаю, она исчезла! — мужчина уверенно смотрит в глаза собеседнику.

– Бумаги подписывай!

Перед ним в тонкой папке – ряд формальностей, после которых, даже если он останется жив, все его достижения и приобретения – больше не его. Главное, щемящее впервые за много лет ощущение. Он совершил важный поступок – не предал себя.

Холодно, босые ступни высоко от пола. Не даёт упасть от бессилия тепло в сердце, то самое, как раньше, в детстве, когда с друзьями бежали по полю за воздушным змеем. Вот она – свобода. Из всей этой системы, всосавшей его глубоко беззубым ртом старой старухи, «Объект» не обманула. Да, будут бить и пытаться. Но он ощутит вновь забытые чувства. Боль телесную, живые эмоции и себя. Того, давно забытого. Как хочется снова бежать по полю, ловить ветер, слышать смех своих друзей! Андрюха, Коля, Макс...

Когда-нибудь, у него будет шанс найти её снова. Но только после того, как он выживет и избавится от хвостов.

«Надеюсь, ты уже далеко». Ещё немного, и отключка сознания, но эти «немного» он жив. Не как биоробот, не как трансформер, как тот, обычный парень из маленького посёлка.

В комнату заходит мужчина средних лет с двумя пласти-

ковыми стаканами в руках.

– Давай просто поговорим. Кофе тебе взял, — пытаюсь сыграть в доброжелательного покровителя, садится напротив.

– Спасибо, — опухшая после допроса щека делает улыбку Мирона жалкой гримасой.

– Серьезно тебя зацепило, — пристально глядя в заплывшие от отека глаза, отвечает собеседник.

– С лестницы упал.

– С шестидесятого этажа ты рухнул. Если сейчас не поможешь нам, вернуться туда не получится. Ты же адекватный, — скулы собеседника напрягались. — Тебя предупреждали: объект опасен и оказывает влияние на подсознание.

– Я не знаю где она. Просто исчезла, — Мирон уверенно повторил свои слова.

– Ты понимаешь, я не могу тебе помочь. Зачем ты влез? Всё же шло по плану.

– Спасибо за кофе, рад был увидеть.

Глоток обжигает горло, но он рад этому. Снова жив. Мирон наслаждается своей болью. Наслаждается теплотой внутри. Она теперь свободна.

– Мирон! — голос собеседника звенит в ушах грохочущим набатом. Ещё немного и снова нависнут взрывной волной синдрома контузии.

– Вы же сами говорили, она марсианка, ищите там.... — перед потерей сознания в памяти только кофе, обжигающий

лицо, из смятого при падении пластикового стаканчика.

Тайны Красной Планеты. Высшая Власть.

В глубоком сне он вспоминает её улыбку, беседы о флаге: «Голубой должен быть наверху, а разделили битвы красных с белыми». Вот у него и был голубой наверху. В стакане плескался в Федерации. Забавная она всё-таки, эта странная сумасшедшая. С копной непослушных волос, пахнущих полем из детства, с глазами, цвета майской травы. С улыбкой, ради которой он придумывал всегда новые истории. С бледной кожей, на которой проступал румянец каждый раз, когда он прикасался к ней. Его звали Мирон. Она его называла – Мир. В этих буквах для него слились вся боль и отчаяние от невозможности быть её миром. От предательства и неизбежности.

Если Ангелы действительно существуют, отдал бы всё за то, чтобы она взяла его за руку и забрала с собой в тот дивный мир, о котором говорили ночами, где тихий шёпот по утрам и больше нет кошмаров пережитой войны во снах.

Сотрудник подошёл ближе к обездвиженному телу. Похлопал его по щекам. Постучал кулаком в металлическую дверь.

– Унесите!

Она. Полгода назад

Весеннее солнце игриво преломлялось в гранях стеклянной вазы. Солнечные зайчики прыгали по стене. Напротив меня женщина средних лет, невысокого роста, пронзительным взглядом всматривается в мои реакции на беседу. Елена – психолог, проводит со мной сеансы, на которых я рассказываю ей всякую ерунду. Она пытается местами анализировать мои истории, но чаще всё заканчивается её недовольством. По её мнению, я убегаю и прячусь от откровенности. От собственных мыслей, от эмоций, от предметного разговора о том, что же меня беспокоит и почему я решила, что терапия мне нужна.

– Что вы сегодня чувствуете? — строго спрашивает она, стараясь удержать моё внимание.

– Мне сегодня хорошо: светит солнце, — продолжаю наблюдать за игрой света на стене.

– А почему для вас это так важно? — пытаюсь вытащить меня из моих мыслей, спрашивает она.

– Не знаю. Может же человеку быть просто хорошо от того, что светит солнце в окно.

– А было ли у вас такое, чтобы солнца не было видно? — голос Елены становится мягче.

Ищу ответ. Внутри меня нить связи с реальностью обрывается щелчком, создав вакуум внутри. Темнота окутывает

комнату, в тишине мыслей отчётливо слышны только капли воды.

Елена сосредоточенно смотрит на меня. Заметив мои слёзы, спрашивает.

– Анна, где вы сейчас находитесь? — интонация меняется.

– Не знаю. Темно, только капли слышно.

– Какие капли? Обо что они стучат? Осмотритесь.

– Стекают через крышу на землю, — пытаюсь понять, что происходит, отвечаю я.

– Вы можете встать и включить свет там?

– Нет, у меня руки скованы! — панический страх поглощает сознание.

Капли продолжают стучать монотонно, погружая в транс.

– Вы там одна? — Елена старается не оставлять меня наедине с воспоминаниями.

– Да, я жду его.

– Кого? — строгий голос.

– Когда он приходит, открывается дверь, оттуда проникает немного света. Его образ в лучах искрится.

– Кто он?

– Не знаю, но я люблю, когда он приходит. Он приносит еду в железной миске, и его руки для меня как жизнь. Сильные, крепкие, без перчаток. Иногда он гладит меня и прижимает к себе.

– Вы видели его лицо? — психолог старается не дать мне уйти глубоко в болезненные воспоминания.

– Мне нельзя смотреть на него.

– Как вы там оказались?

– Не знаю, но его долго нет, — внутри меня волнение достигает пика.

– Что произошло? — заметив мои переживания, уточняет Елена.

– Он не пришёл, я умерла.

– Вам сейчас нужно умереть там. Представить, как вы покидаете тело. Этого больше нет. Вы здесь и сейчас, — Елена выводит меня из подвала памяти. — Отпустите то тело. Оно уже не ваше.

Яркий свет солнца обнимает меня радостью настоящего дня.

– Что это было? — удивлённо спрашиваю я.

– Возможно, просто воспоминания вашего подсознания.

А что с тем мужчиной?

– Не знаю, но я его не боялась, — задумавшись, пыталась найти ответ. — Любила.

– Любить того, кто держит в подвале? Это же нездоровая любовь! — психолог смотрит на меня с ужасом в глазах.

– Я же не знаю, что было до!

– Не важно, не может быть такой любви. Это не любовь. Это другое, — Елена подает мне стакан воды.

– Что? — спрашиваю её я, не успев отойти от шока сеанса.

– Стокгольмский синдром. Видимо, это то, с чем нам придётся работать. Ваши отношения предыдущие, о которых вы

говорили, они в разной степени все напоминают этот сюжет. Вы словно ищите ту любовь, пережитую когда-то, наделяя мужчину ролью палача.

– Он не палач! — возмущаюсь я в ответ, не ожидая от себя такой реакции.

– А кто?

– Он – спаситель.

– Хорошо, кого он спасает?

– Не знаю и не хочу к этому возвращаться.

– Анна, давайте с вами просто договоримся, любовь – это совсем другое чувство. Мужчина не должен вас удерживать на цепи, чтобы вы чувствовали заботу о себе.

– Что, если мои перепады настроения – это чувство, что он есть где-то? Моя вторая половинка. Он занят чем-то важным, и когда ему нужна энергия, он думает обо мне?

– Что за половинка? Люди рождаются целыми. У вас свой запас энергии на ваши задачи. У него – свой, — Елена возмущена. — Это какая-то душевная инвалидность. То, что вы описываете.

– А если он что-то очень-очень важное делает? — слова, словно сами выпрыгивают из меня.

– Анечка, даже с законным супругом женщине необходимо хранить свой очаг. Мужчина – добытчик приносит что-то, а не тянет из очага в важные задачи. Иначе это не муж, а вор. Наконец-таки мы с вами хоть к чему-то пришли.

– Я бы не хотела повторять это снова.

– Что чувствуете? — психолог обеспокоена ситуацией.

– Сначала было легко и хорошо, а теперь грустно.

– Почему?

– У меня отняли любовь.

– Любовь не заключается в другом человеке, ищите её в себе. Она там, внутри вашего сердца, просит проснуться,

— Елена всё так же пристально вглядывается в мои глаза.

— Что там еще осталось?

– Если я найду любовь к себе, тогда зачем мне мужчина?

— обиженно делаю вывод.

Елена громко рассмеялась.

– Из крайности в крайность, — внесла записи в свой блокнот, завершила приём. — На сегодня это всё. Ваше бессознательное само найдёт ответы на вопросы, которые тут были. Мы хорошо поработали.

Дождавшись, когда я покину помещение, Елена достала свой смартфон из сумки. Покрутив его в раздумьях в руках, отложила в сторону. Ещё раз пересмотрела записи в блокноте. Налила себе воды. Решительно взяла смартфон снова.

– Добрый день! Я нашла её.

– Через час буду.

Он

Пробки большого города. Как же он соскучился по родным просторам! Вокруг с шумом и гарью выхлопных газов суетились автомобили, в попытке разъехаться. Конечно, кто бы сомневался? За рулём – женщина, – отметил он про себя, наблюдая за ситуацией. Посмотрел на часы. Если дело так пойдет и дальше, из-за этой «тупой курицы» он опоздает. Нервно открыл дверь своей машины, направился в сторону красного внедорожника. Жестом показал девушке необходимость опустить стекло.

– Девушка, позвольте мне вам помочь, я опаздываю.

– А, ох, да, конечно, а то я совсем не понимаю, как на этом перекрёстке разъехаться. А вокруг все такие злые: сигналият, орут. Никакого понимания. Вы – настоящий мужчина, — щебетала она, не умолкая, сойдя на асфальт каблучками своих ботфортов. — Я же недавно права получила.

Он, пытаясь не произнести: «Заткнись!» — сел за руль, отъехав с проезжей части в сторону. Она засеменила за машиной.

– На каблучках не стоит за рулём ездить! — хлопнув дверью, прорычал он.

Дорога была свободна. Почти научился контролировать себя в таких ситуациях и не взрываться. Но это давалось ему непросто. Сел за руль своего авто, достал из бардачка кон-

центрат от похмельного синдрома. Только бы голова не начала болеть. В обычные дни Мирон мог спокойно приезжать на работу в удобное для него время, объясняя это занятостью на территории. Но сегодня внеплановое совещание.

– Пётр Сергеевич, можно?

– Да, входи.

– Мирон, ты у нас вроде как сейчас свободен, у нас новый «Объект», займись разработкой, по мере возможности, степень сближения максимальная.

– Инициированная?

– Пока чистая, осведомитель привела.

– Страшная? — Мирон с подозрением посмотрел на начальника.

– С лица воды не пить, подушкой прикроешь. Не видел ещё. А ну дыхни.

– Пётр Сергеевич! — подчинённый отшагнул назад.

– Иди, отсыпайся, вот материалы. Вечером решишь, что с этим делать.

– Я думал, вас за имя Апостолом называют, оказывается за милосердие и сострадание к ближнему.

– Иди уже!

Мирон положил папку с материалами на переднее сидение, сжимая в руке стакан с горячим капучино. Включил радио. «Пожалуйста, не умирай, или мне придется тоже. Ты конечно сразу в рай, а я не думаю что тоже», – заиграла песня Земфиры. Погрузился в воспоминания: эта песня играла

в военном госпитале, когда он очнулся после контузии. Тогда тоже была весна, и что-то, словно мягкой рукой, пробуло его ото сна.

Он любил этот сон с детства: когда в его жизни происходили сложные ситуации, ему являлась девушка. Он не видел никогда её лица. Подходила к нему сзади, гладила по волосам и обнимала крепко, смеясь. В этом сне он ощущал состояние неземного счастья и лёгкости. Порой ему казалось, что он узнает её смех из миллиона. Чем дольше он искал её, тем сложнее и печальнее было воспринимать реальность. На его шутку каждая новая пассия смеялась по-другому. Не тот смех. Никто из девушек не понимал, почему Мирон исчезал внезапно, когда в отношениях всё шло гладко. А он осознавал, что надежда на поиск девушки из сна тает, как иллюзия, бесследно.

Проснулся вечером, открыл папку. Ознакомился с делом. «Ведьма» – поставил пометку у себя на листке рядом. Погрузился в записи сеанса психолога. «Руки, свет» — продолжил писать он. «Вода». В голове чётко прорисовался план операции. Дождливый день, свет фар, он подает ей руку, чтобы подняться. Надо устроить встречу, чтобы она упала или... обронила пакеты. Скорей всего возле магазина. Нарисовал схематически. Нужен кто-то на электросамокате, кто толкнёт. Нет, так нельзя: картинка будет другая. Из магазина слишком яркий свет. Она не заметит свет от фар из-за его спины. Это должно быть в переулке, где темно. Чтобы объ-

ект увидела световой коридор.

Она с зонтом, логично. Проще пакет выбить из рук. Посмотрим, где вы, мадам живёте. «Анна Игоревна Соколова». В базе данных забил поиск. Результат поиска: женщина семидесяти лет.

Мирон нервно открутил крышку виски, кинул льда в стакан. «В смысле, максимальное сближение?» – налил виски. Сделал глоток. Отошёл от монитора. Отпил ещё виски. Присмотрелся к фото. Допустим, у неё есть очаровательная бородавка на подбородке, а что – нюанс. Глотнул ещё. Глаза красивые — были, лет сорок назад. Каким образом он может максимально сблизиться с ней? А если при попытке выбить у неё пакеты она упадёт неудачно? Тогда на роль возлюбленного скорее медбрат из скорой пойдёт в свете фар. «Да ну, нет!» — произнёс он вслух.

– Пётр Сергеевич, добрый вечер. Я тут с материалом ознакомился, какое максимальное сближение, ей семьдесят лет.

– Подожди, ты папку со стола взял?

– Вы же сами мне её дали.

– Мне принесли, я даже не посмотрел. Сейчас попробую выяснить. Перезвоню.

Мирон залпом допил виски, громко стукнув стаканом по столу. «Простите, Анна Игоревна, но большой и чистой любви дать вам не смогу». Закрыв файл с изображением женщины, продолжил читать записи психолога.

– Мирон, там ошибка, мы пробили по адресу: квартира

сдаётся в аренду. Хозяйка – пожилая женщина, объект – снимает жильё. Завтра участкового с проверкой документов отправим: выясним личность.

– Сердечно признателен, — выдохнул с облегчением.

– А ты, что? — Апостол выдержал паузу. — Реально смоги бы с семидесятилетней? Нам таких сотрудников не хватает.

– Пётр Сергеевич, что вы! Я не до такой степени профи, только после вас.

– После меня обычно мало что остаётся. В этом деле у нас Прохор спец, — рассмеялся начальник. — Адрес верный. Ты сегодня прокатись туда, разведай обстановку. Завтра данные будут.

Открыл папку, посмотрел в окно. Адрес оказывается совсем близко. Можно прогуляться пешком. Минуя своды гранитного моста, оказался на другом берегу реки. Закрытые дворы вносили коррективы в его операцию. Проспект, на котором нет доступа к подъездам или к магазину на машине: тротуары везде.

Рассматривая окрестности, рисовал возможные места пересечения маршрутов и точки. Как-то не по его желанию с самого начала складывается ситуация. Даже до инициации ведьма уже достаточно сильна, чтобы не дать возможности подступиться к себе. Надо успеть перехватить её до того момента, когда начнёт просыпаться и почувствует свою силу.

Гораздо проще пробудить в ней привязанность, вытянуть из неё за период отношений потенциал. Разоружить. В такой

ситуации жертв меньше, чем пробуждение женщины после накопления злости и ненависти. Подошёл к нужному подъезду, удача улыбнулась ему впервые за вечер. У домофона стоял курьер с доставкой еды. Отлично, он проникнет в подъезд вместе с ним.

Внутри чисто и сухо, нет посторонних запахов, стены в норме: гнили, плесени, трещин – не наблюдается. Поднявшись по лестнице, на пролёт ниже нужной квартиры, заметил на подоконнике цветы. Листья пышные, правильной формы. «Странно!» — растирая в ладони горстку земли из горшка, Мирон рассматривал почву. Обычно радиус обитания тёмной подавляет возможность полноценного роста растений. Подниматься на этаж выше не стал, чтобы не быть замеченным.

«Что мы имеем? Не тёмная, но заблокировать доступ умеет, по информации от осведомителя. Мужчины нет, значит, защита личная. Ещё не инициированная. Видимо, под контролем. Под чьим?»

Спускаясь медленно, бесшумно по лестнице, сосредоточенно пытался сложить воедино детали пазла. За окном крупные капли дождя неторопливо начали отстукивать свой ритм. Зонт он не взял. Надо успеть вернуться домой до того, как ливень наберёт свою силу. Хотя бы добежать до моста. Вспомнилась ночь на перевале: он, голодный и промокший, сутки ждал в укрытии появления цели. По телу пробежала дрожь. Домой. Он понимал: если начались воспоминания,

главное, вовремя выпить таблетку и уединиться.

Бегом, миновав оставшиеся два лестничных пролёта до первого этажа, толкнул со всех сил тяжёлую дверь подъезда. Необходимо успеть! Дверь распахнулась, капли дождя. Женщина, падающая от удара дверью. Продукты из пакетов фейерверком разлетелись в разные стороны.

Они

Анна сидела на лавочке в парке, наблюдая за поцелуем влюблённых. Какая она – Любовь? То, что было в её жизни до этого дня, сложно назвать любовью, если Елена права. Каждый раз бежать, спасать, протягивать руку помощи, идти навстречу, понимая сложность периода в жизни мужчины. Что же это тогда? Тот самый осколок памяти подсознания, в котором ей пришлось пережить странные чувства? А хочет ли она узнать, что было на самом деле тогда? Или просто отпустить? Ведь они же с психологом отработали это. Лучше отпустить и забыть. «Пусть в мою жизнь войдёт настоящий мужчина, любящий и заботливый!» — подумала Аня.

Обеденный перерыв подошёл к концу, пора возвращаться в офис. На работе щебечущая Милка рассказывала о встрече с галантным мужчиной, который спас её от происшествия на перекрестке. «Высоченный, спортивный, глаза голубые, бездонные, на хорошей тачке» — восторженно делилась впечатлениями коллега. Почему-то Анне Мила напоминала канарейку. В яркой одежде, на тоненьких ножках в ботфортах, образ этот подтверждал предположения. Иногда Аня хотела сказать: «Заткнись! — но чаще просто говорила: — Милочка, если можно, минуту тишины». Благо, умом и сообразительностью птица-говорун отличалась, замолкала, уходила в соседний отдел рассказывать о своих нескончаемых флиртах

и рыцарях.

Всё шло как обычно, пока Аня не ощутила странный озноб. Сначала девушке показалось, что кто-то включил кондиционер. Проверила гипотезу, исключила из версии сквозняки из открытых окон в коридоре. Через час, осознав, что ледящий холод пронизывает её насквозь, Аня попросила начальника отдела отпустить её пораньше. «Простудилась», — подумала она. Заехала по дороге в аптеку, зашла за продуктами в магазин. Ещё совсем немного и вот оно: долгожданное ощущение тишины и покоя в укромном уголке её Вселенной. Возможно, это и не простуда вовсе – скорее переживания по поводу сеанса с Еленой. Не стоит так долго заниматься самокопанием.

Анна решила для себя, что больше не станет прибегать к помощи психотерапии. Что толку от того, что вернули они это воспоминание? Может, вовсе не возвращали его, а психолог ей внушила, что это – отголоски памяти, чтобы доказать результативность их занятий. Капли весеннего дождя застучали по асфальту, напоминая о недавнем сеансе. Лампы ночного освещения ещё не успели включить, во дворе темно. Ослабленная и уставшая, Аня подошла к двери подъезда. Скрыться бы от шума дождя, не вспоминать сеанс. Замокнуться в маленькой квартирке и не слушать. В поисках ключей исследовала содержимое своей сумки и в этот момент подъездную дверь с громким грохотом вышибли изнутри, опрокинув девушку, словно беспомощного майского жу-

ка, на спину. Продукты рассыпались из пакетов. На мгновение она потеряла ориентир в пространстве. Перед ней, протягивая руку помощи, в свете был виден мужчина-виновник её падения. Анна смотрела заворожённо. Она узнала его по рукам. Энергия, которая обволакивала её рядом с ним, полностью совпадала с той, которой обладал мужчина из закулулков её подсознания. Замедленный кадр немого кино.

Мужчина, молча, помог девушке встать. Рядом с ним она казалась такой маленькой и беспомощной. Наблюдала за движением его рук.

Собрал в пакеты продукты, вручил ей их и скрылся в темноте двора. Миска с хлебом – и исчез во тьме! Он шёл быстро, подняв воротник куртки, словно и для него этот дождь тоже был чем-то тревожным. Она смотрела ему вслед.

«Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на время, место и обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвётся».

Анна не успела рассмотреть его лицо, но это происшествие не давало ей покоя. Ночью у неё поднялась температура. Тревожные сны, с желанием еще раз когда-нибудь в жизни почувствовать тепло его рук, оказаться рядом. А вдруг история на сеансе – не воспоминания, а предостережение? Нет, она отчетливо понимала, что это было когда-то давно. Или это и есть та самая загадочная карма, и история повторяется? Он даже не заговорил с ней, не извинился. Просто

сбежал в ночь.

В этот вечер Мирону удалось добраться домой до начала приступа. Но уже в лифте он понял, что не успеет заблокировать нахлынувший тремор. С трудом опираясь о стену в холле на этаже, прислонил карту для входа в квартиру. Головная боль монотонными ударами в висок усиливалась. Выпил таблетку, эффекта не дало, он потерял время. Необходимо срочно позвонить лечащему врачу. Дрожащими руками взял смартфон, открыл контакты, нажал кнопку вызова. Абонент не отвечал. Отшвырнул телефон в стену. Опустившись на пол, обхватил голову руками. Промокшая одежда сковывала движения, холод пронизывал насквозь. Дыхание учащалось, пульс бешеным ритмом бил тревогу. Надежда была лишь на то, что доктор поймёт сигнал и отправит бригаду. Мышцы тела сжимались в судорогах. Предательский писк в ушах. Всё.

На противоположных берегах одной реки Он и Она от боли и одиночества лежали неподвижно. Две судьбы, две жизни, две истории.

Рассвет

Забрезжил рассвет. Наполнилось светом серое небо. Лучи солнца, коснувшись края подушки, ласково тянулись к лицу спящей Анны. Бледная от природы кожа после ночного жара казалась прозрачной. В бликах рассвета локоны девушки, слегка влажные, золотом рассыпались по лицу, ключице, груди. Длинные ресницы распахнулись. Солнце рисовало отчётливо луч диагональю от окна. Броуновское движение в полоске света напоминало танец частиц.

Сладко потянулась, отодвинула одеяло в сторону, обнажив хрупкое тело. Первые минуты утра, когда желание ещё совсем немного понежиться в кровати сильней активности. Слабость почти отступила.

Ей так хотелось тишины в мыслях! За период сеансов с Еленой Анна сама не заметила, как в её привычку вошёл постоянный анализ мыслей. В это утро, после нарастающих событий предыдущих дней, девушка решила останавливать любые мысли, которые уносят её в прошлое. Начать новую жизнь просто с этого момента. Зачем поднимать все эти кучи непонятные, лезть в воспоминания? Если она уже в настоящем, что мешает ей начать жить полноценно? Гештальт закрылся.

Нащупала ступнями на полу тапочки. Правая нога, обидно раздутая после вечернего падения, в тапок не помеща-

лась. Попыталась встать. Есть два минуса. Первый – штормит. Второй – болезненные ощущения в ступне. С трудом допрыгала до кухни. Сначала ситуация огорчила, позже стало забавно.

Включила музыку.

Отправилась в душ. Чем больше она вникала в окружающую обстановку, уходя от внутренних диалогов, тем ясней и насыщенней для неё был окружающий мир. Будто она проснулась от долгого сна. Боль в ноге заземляла девушку каждый раз, как только она задумывалась о чём-то другом, кроме текущего дня. Оказывается, удерживать равновесие в скользкой ванной не так-то просто на одной ноге. Телесно-ориентированная психология. Надо было сразу выбирать этот метод.

Хлопья с молоком утолили голод. Вальяжно распластавшись на кровати, отправила начальнику сообщение, о том, что заболела и не выйдет на работу. Провалилась в сон.

Разбудил резкий звонок в дверь. Спешно накинув халат, Анна допрыгала до коридора.

– Кто?

– Участковый, проверка документов.

Девушка провернула ключ в замке. Скрип несмазанных петель.

– Удостоверение покажите, пожалуйста, — сонная Анна разглядывала форму визитёра.

Мужчина распахнул документ.

– Проходите.

Тем временем Мирон открыл глаза в палате клиники. Лежащий врач сосредоточенно смотрел на него.

– Доброе утро! Сколько пальцев? — проведя ряд диагностических манипуляций, доктор убедился, что пациент в полном сознании. — Хорошо, что догадался дверь открытой оставить!

– В лифте понял, что не справлюсь в этот раз, — пробормотал в ответ Мирон, отворачиваясь к стене.

– Так дело не пойдет, сейчас завтрак и процедуры. Скажу медсёстрам, чтобы занялись тобой.

Доктор знал этого пациента давно, много лет назад мужчина впервые обратился к нему за помощью. Попытки привить режим питания или назначить терапию всегда приводили к спорам и разногласиям. Мирон благодарил, получал результаты анализов и исследований. Читал заключение и со словами: «Поживём ещё, где наша не пропадала!» — покидал клинику. После первого серьезного приступа с госпитализацией, на какой-то промежуток соблюдение режима было. Позже Мирону надоели пилюли, диетические столы и запреты. Выстроил свой, комфортный для него режим общения с врачом, обозначив, что появляться он будет за рецептом. На этот случай запись осуществлялась через секретаря. Но именно «звонок» самому доктору, по договоренности, являлся точкой криза. Для мужчины, привыкшего быть сильным и уверенным в себе, госпитализация была призна-

нием собственной слабости.

– Георгий, спасибо! — буркнул недовольно Мирон.

– Ребятам скажи спасибо, что заметили, что ты домой поднялся.

Система безопасности работала исправно. Учитывая хорошее отношение жильца, сотрудники охраны старались отвечать взаимностью.

– В этот раз надолго?

– Полежи недельку, прокапаем. Мирон, ты же мог быть не дома. Пил?

– Сегодня с утра ещё не успел. Тут вроде не наливают, — пациент отвергал любые попытки намёков на его слабости со стороны врача.

– Позже зайду. Поправляйся.

Дождавшись, когда Георгий покинет палату, Мирон поднялся в поиске своих вещей. Смартфон, ключи от машины — остались дома.

«Что мы имеем?» — попытался сложить в голове события вчерашнего дня. «Ведьма прочувствовала, что на неё открыта охота и дала понять, что лезть не стоит».

Первый подобный приступ случился у Мирона два года назад, при исполнении. После этого любые свои изменения сознания он предпочитал соотносить с рабочими моментами. Так проще было отрицать факт физической немощи, последствия контузии и пагубное влияние алкоголя на его организм. Собрал в целое разрозненные факты, указанные в за-

писях психолога, наитие и опыт. Вывод был сделан без схем: «Объект» опасен. Стоит доложить об этом Апостолу.

– Доброе утро! — в палату вошла медсестра. — Меня зовут Ирина. Ложимся на живот, спускаем штанишки.

– Доброе, — глядя на доброжелательную блондинку в белом халате, Мирон сменил гнев на милость. Задумался, почему в этот раз во сне не пришла девушка.

Игла вонзилась в ягодицу почти безболезненно.

– Сейчас вам принесут завтрак. Зайду к вам позже с капельницей.

В глубине души Мирон хотел бы прочувствовать то, потерянное где-то далеко в юности, чувство влюблённости. Волнение, смущение, потеющие ладони, учащённое биение пульса. Обволакивающую теплом нежность. Трепетное желание оберегать и заботиться. Он давно не ощущал чего-то даже близко по отношению к противоположному полу.

Горячие точки, девушка из сна, работа, подразумевающая поиск двойного дна в каждой женщине. Принял грусть по забытой любви за банальное осознание одиночества в стенах клиники. Дотянулся до пульта и включил телевизор – идеальный метод отправить мозг на отдых.

Апостол

Анна и Мирон не осознавали, что их жизнь после столкновения уже не может быть прежней. Они держались за устоявшиеся привычки и мировоззрения, не допуская мысли о возможности раскрыться навстречу живым эмоциям. Удобно не впускать в душу всё то, что противоречит обыденности.

Он – в палате клиники, она частично обездвиженная, но не сдаются. Что может быть слаще слепого упрямства? Сколько энергии! Сколько потенциала! Такие уверенные в себе и одновременно беспомощные перед волной предназначения.

Пётр Сергеевич возник в палате Мирона так же неожиданно, как участковый в квартире Ани. Мирон, со всеми своими сложностями и анализами ситуации, для него являлся ребёнком.

– Ничего не хочешь мне рассказать? — выключив телевизор, строго спросил Апостол.

– Она опасна и не стоит ей давать возможность просыпаться! — категорично заключил Мирон.

– Обоснуй! — Апостол, повесив пиджак на спинку пластикового стула, сел напротив своего сотрудника.

– После нашего с вами разговора я пошёл проверить возможность внедрения и проанализировать степень инициа-

ции. Ни одна из моих схем, прорисованных на бумаге, как план операции, не сработала. Отсюда вывод: она скидывала меня с хвоста, понимая, что на неё объявлена охота. После того, как я приблизился достаточно близко к логову, энергия у меня была откачана, произошёл откат в памяти до триггера. С затиранием результатов терапии и самоконтроля.

— Имеет место быть, ничего не расскажешь больше? — Апостол подошёл к окну.

— О чём? — Мирон сосредоточенно вглядывался в начальника.

— Детали. Мне нужны детали. То, что ты надумал в своей голове — не факты.

— Я осмотрел место доступа к объекту, исследовал место обитания. Дальше дождь, воспоминания, — Мирон пытался поймать суть вопроса.

— Тебе не кажется, что ты пытаешься вложить в работу предвзятое отношение к женщинам? — Апостол смотрел на Мирона с высоты своего роста.

— По уставу — это профнепригодность. — Мирон поднялся с кровати.

— На сегодня наш разговор окончен. Поправляйся. Дело передам другому сотруднику. Более опытному. — На момент общения с Мироном, Апостол уже знал от участкового о травме Анны.

Для Мирона упрёк от Петра Сергеевича в больничной палате не был мимолётным. «Профнепригодность, нехватка

опыта» – прозвучало вызовом.

Апостол пытался понять ситуацию. В надежде на то, что подчинённый поможет раскрыть завесу тайны, пришёл в клинику. Ответа он так и не получил. Сделал для себя вывод, что не стоит доверять версии сотрудника. Непредвзятое отношение всегда срабатывало на пользу следствию. Общение с участковым после проверки документов для Петра Сергеевича стало загадкой: почему девушка травмирована вечером? Именно в тот момент, когда Мирон находился на задании? Неужели в их рядах, в лице Мирона – оборотень? Играет роль сотрудника только с целью накопить потенциал? Тогда понятны приступы с тремором, образ жизни в заточении и чрезмерное рвение к работе. Почему не рассказал о столкновении?

Всё было бы проще. Внесли в папку «новые обстоятельства», назначили другого сотрудника. В любом случае, Объект нуждается в наблюдении, дело необходимо передать. Но как исцелить себя от возникших подозрений по поводу Мирона? Закрывается, не даёт новых обстоятельств процессу выяснения. Апостол принял решение. Обозначить в операции форс-мажор, выяснить статус «Объекта». Не исключено, что она сильна настолько, чтобы посеять раздор в отделе. Скинув белый халат при входе, Пётр Сергеевич достал свой смартфон.

– Через час жду в гости!

Если в схеме Мирон – Анна возникли сомнения, стоит

включить в связку третье лицо. Рассеять узел напряжения. Почему из рядовой ситуации образовалась путаница? Сначала в папке оказывается другая женщина, потом при исследовании места жительства возникает два травмированных участника. Теперь и вовсе неприятное ощущение несоответствия сотрудника. В срочном порядке надо искать точки соприкосновения и держать дело под личным контролем. Госпитализация Мирона своевременная, как и изоляция Анны, есть время подумать.

Детство Мирона

— Сюда иди, щенок! Ближе, — перед Мироном на старой табуретке сидел отчим в тельняшке, пошатывающийся от объёма выпитого алкоголя. — Что это?

— Дневник, — мальчик, смахивая робко слезы, доверчиво смотрел на мужчину.

— Вижу, что дневник. Каких, на хрен, родителей в школу? Опять под юбкой мамки прятаться решил? Я тебе не отец, сопли вытирать не стану. — Отчим пристально вглядывался в глаза ребёнка, словно наслаждаясь растерянностью Мирона.

Этот взгляд преследовал в жизни ещё долго. Так же, как и образ ремня, болтающегося на двери полированного шифоньера. В первые месяцы совместной жизни с новым мужем мать старалась защищать от гнева отчима. Позже лишь подходила после очередной воспитательной процедуры, дождавшись, когда тиран уснёт. Гладила по голове сына, рассказывала, что нужно потерпеть: денег у матери с мальчиком на жизнь не хватало. Появился отчим, который, работая на заводе, начал приносить в дом еду. Мама Мирона и этому была рада, закрывая глаза на воспитательные методы новоиспечённого супруга.

Отца Мирон помнил смутно, ребёнку было три года, когда не стало кровного родителя. Первое время мать как-то

выкручивалась, их семейный бюджет пополнила пенсия сына по потере кормильца. Позже в доме стали появляться новые мужчины, разные, ребёнка отправляли гулять с друзьями в любую погоду. Андрюха, Коля и Макс — они стали для него семьёй.

Мальчик потерял ощущение дома, радость ему приносили моменты, когда можно было, собравшись с друзьями, жечь костры, исследовать леса и окрестности посёлка, вместе провожать скорые поезда, мечтать, как уедут в большой город навсегда. Мирон волнительно ждал визита гостей к маме, тогда он чувствовал себя свободным. В те счастливые моменты его не заставляли учить уроки, не кричали из-за невымытой посуды, не давали новых поручений.

Когда в доме появился Виктор — это было радостным событием. Гость приносил сладости и игрушки в подарок, рассказывал интересные истории и даже купил книжку про Барона Мюнхгаузена. Уже повзрослев, Мирон сопоставлял невероятные истории отчима с этим сказочным персонажем. Позже Виктор приобрёл телевизор, где можно было смотреть мультики и фильмы про супергероев.

После свадьбы Виктора с мамой всё переменялось. Мирон стал «щенком, убудком, крысёнышем» и много ещё каких новых слов слышал ребёнок в свой адрес, по возвращении пьяного отчима с работы. Мальчик вырос, пытаясь адаптироваться к новым условиям жизни. С пониманием и заботой воспринимал обстоятельства матери, боясь навредить её

новому счастью. Терпел, но это давалось ему с трудом. Когда мама перестала приходить успокаивать сына после побоев, оставаясь пить на кухне с отчимом, подростка поглотило отчаяние. А потом в первый раз приснился сон с девушкой. Мираж из сна понимала его больше, чем окружающее. Мирон был готов снова и снова проходить испытания ремнём, только бы оказаться во сне, где ему тепло и хорошо. Там его ждала сочувствующая и всепонимающая девушка-мираж.

В восьмом классе появилась новенькая. Катя приехала из города в посёлок вместе с семьёй. Для парня в памяти навсегда остался день, когда Катерина вошла в класс. Он сосредоточенно рисовал в тетради квадратики в ожидании начала урока. Ученица стеснительно осмотрела кабинет в поиске свободного места. Одноклассники рассмеялись (сидеть девочке придётся за последней партой, рядом с Мироном). Он сдвинул локтём на свою половину тетрадь, продолжив рисовать. Сложно было не подать вида, что забавные банты и накрахмаленный фартук девушки привлекли его внимание. От неё пахло вкусно, чем-то уютным и домашним. А он, что он? Щенок, никому не нужный!

Позже Катя сама предложила Мирону делать уроки вместе, чтобы подтянуть его по основным предметам. Парень засыпал с мыслями: наступит момент, он сможет обнять её. Шорох фартука оживит фантазии звуком. Он аккуратно расплетёт её банты... волосы, распущенные, упадут на плечи. Его губы коснутся её мягких, влажных губ. Мирон старал-

ся даже от друзей скрывать свою влюблённость. Осчастливленный возможностью быть рядом с одноклассницей больше, чем просто в школе, прилежно исполнял задания и ожидал новых встреч.

На уроках он любил, когда она выходила к доске. В такие моменты можно было смотреть на Катю открыто, не скрывая интереса. Изучая каждую деталь, мимику, сомнения и волнения, белые колготки, сморщенные на коленках, шоколадного цвета платье. Она была лучом света в тёмном царстве реальности парня. Мирон полюбил праздники, одноклассница приходила нарядная, в кружевном фартуке и с пышными бантами. Три долгих года он любил девушку, играя роль друга. Перестал замечать проблемы дома, стал лучше учиться, мечтал поступить вместе с ней в институт.

В тот вечер Мирон и Катя готовились к выпускным экзаменам – занимались физикой. Мать Мирона ушла спать рано. Отчим пил на кухне в одиночестве. Катерина отлучилась в туалет. После того, как парень понял, что девушки долго нет, вышел из комнаты в поисках. Прошёл по тёмному коридору, через стекло двери увидел, как его одноклассница стоит рядом с отчимом. Руки Виктора сминали платье шоколадного цвета. Она не вырывалась, не кричала. Девушка плотно прижималась к его отчиму в поцелуе. Эмоции охватили парня, мрачной пеленой надвигаясь на восприятие мира. Сначала мать, теперь Катя. Осталась лишь девушка из снов. Мирон распахнул дверь кухни.

– Не отвлекаю? Я воды попить! — остальное он помнит смутно.

До сих пор для себя Мирон так и не определил: подарком судьбы был военком, предложивший пойти служить в армию, или можно было иначе. Отчим написал заявление на нанесение тяжких телесных повреждений. Мать и Катерина Мирона не навестили в ИВС.

Выбор «зона или горячая точка» для Мирона был очевиден – лучше уйти в армию. Изменил в своём восприятии отношение к женщинам, как к чему-то чуждому и отталкивающему. Единственная женщина, не предавшая его за много лет – девушка из снов. Она приходила всегда, когда ему нужна была помощь. В моменты отчаяния, в дни заключения, и потом – на войне.

Мирон смотрел на свежую зеленеющую листву за окном клиники. Когда-то он дал себе слово быть лучшим, чтобы никогда не вернуться в то прошлое, которое наполнило его мир тьмой. Апостол ясно дал понять: сотрудник не справился с задачей, есть тот, кто сделает это лучше. Кто может быть лучше Мирона? Женщина – вновь причина разрушения его планов.

Схема

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Вот тебе и радуга, как же достали нововведения!» — Апостол смотрел в окно, сидя на заднем сиденье автомобиля. В последнее время он часто ностальгировал. В молодости, когда решил-ся перевестись в новый отдел, бывшие коллеги обсуждали за его спиной: «Зачем с хлебного места переходить туда, где фактически отсутствует определение правовой базы, устава или возможности срубить по-быстрому бабла». Его же, молодого, перспективного опера привлёк обещанный карьерный рост, секретность и доплаты. А самое главное – практически отсутствие контроля за его деятельностью, но лишь спустя много лет, Пётр осознал – это было предложение бесплатного сыра в мышеловке.

Сначала ему вывернули мозги набекрень матчастью, пытаясь создать практически новую личность в его оболочке. Апостол скептически посмеивался над методами и способами пробуждения у него сверхкачеств. Умопомрачение наступило после накачки до предела новым информационным полем – его вышвырнуло за грань реальности. Оперативник научился замечать в толпе людей, которые являлись целью работы их отдела. Миновал год стажировки, появилось представление, что же происходит в этой загадочной подложке реальности. Или на самом деле его прежняя реальность яв-

лялась скромной подложкой объективного мира, где существовали свои правила и законы.

По-новому открывались для него история, причины и следствия, когда-то загруженные в архив «глухари» вырисовывались очевидной линией ошибок в поимке. В том числе, закрытие дел по факту материальной заинтересованности со стороны сотрудников системы. После инициации, первое время он горел рвением изменить мир в лучшую сторону, считая, что откровения даны только ему. Но чем глубже эта идея прорастала в его сознании, тем энергозатратней становились обыденные дела. Потом наступил период падения идеалов и жажда ловить, вычислять, скачивать и оставлять объекты личными ходячими ресурсами. Образовалась энергетическая пирамида, её он спокойно выстраивал в свободное от работы время, наслаждаясь приливом сил каждый раз, когда упивался чьим-то потенциалом.

Сладкие были времена, за ночь из трёх ночных клубов была возможность собрать с десятков номеров телефонов объектов, рассказывая им сказки о любви. Девушки открыто шли навстречу улыбчивому холостому мужчине с квартирой в ЦАО и статусной, по тем временам, иномаркой. Только сам Пётр знал, что все эти блага материальные – служебные. Чем активней он накачивался до одури энергией ведьм, тем сильней его примагничивало к мыслям о необходимости создать свою схему обогащения. Начал он с нестандартного подхода – знакомств успешных предпринимателей с «талисмана-

ми» в лице наскучивших ему женщин. Личная база контактов Петра и возможность определять потенциальных жриц разных культов, на тот момент были основным критерием отбора претенденток. Он гарантировал качество своих услуг сводника. Заказчики же его, не желая тратить своё время на кастинги и пробные отношения, отнеслись к предложению весьма заинтересованно. Тогда мужчина даже не представлял, как быстро разнесётся молва, процесс станет на поток. Деньги потекли рекой в его карманы. Но счастье длилось недолго, на него вышли сотрудники другого ведомства, намекнув, что пора делиться. Его версия о талисманах дошла до кругов, способных схлопнуть его, как надоедливую муху с его же кучи навоза, в котором он увлечённо ковырял лапками.

Апостол решил сбавить обороты, но было уже слишком поздно. Вопрос вербовки, как системы, вменили ему в обязательства, подразумевая штатное обеспечение представительницами клана «талисманов». Тут-то он и осознал: его поймали. Сами ведьмы «в шоколаде», никто их гонять не планировал. Напротив, лучшие рестораны и клубы, связи, возможности, подарки, путешествия. Постепенно определение элитарности обретало образ властительных дам, идущих по головам. Сам он стал рабом системы, которую думал, что взломал. Никто не отменял обязательные галки в отчётах, однако, наличие новых подходящих девушек стало проблемой. Начались кастинги по деревням, посёлкам, по-

иски самородков. Это была его личная теневая сторона. Чёрный нал энергообмена. Сшитые белыми нитками дела, в которых фигурировали далёкие от темы женщины, вошли в норму. Хищницы росли, плаха ожидала жертв. Конкуренция и безжалостный отбор близились к апогею.

Отрезвляющим эффектом от транса собственных заблуждений для Апостола стала вечеринка, на которой к нему относились, как к придворному шуту. В ту ночь он решил для себя перестать делиться, обосновав это отсутствием новых лиц, и раскачать свой авторитет до такой степени, чтобы никто никогда не смог подшучивать над ним или опускаться до панибратства. У него это получилось, но не сразу.

Иногда ему казалось, что он напоминает себе дилера, к которому в ломках стучат в окна и двери. Но больше всего, после того, как пелена спала с глаз, мужчину поразило то, в каком состоянии находился город. Грязный воздух, с оседающими на слизистой частицами пыли при вдохе, увядающие деревья, стаи ворон и мусор, гонимый ветром по тротуарам. Вокруг всё напоминало ему о предательстве своих принципов. Он был виноват в том, что занимался рекрутом неиницированных для постельных утех с пожирателями потенциала. Апостол истощал запас энергии ядра собственными руками, обменивая на купюры свои и чужие способности.

Хотелось сбежать, скрыться, спрятаться. Решительно принял бой с собой. В его пирамиде по-прежнему ввинчены были болты системы, в лице польстившихся на него женщин.

Пётр запойно погрузился в изучение скрытых документов, выискивал записи и соединял воедино любую информацию о том, как выстроить своё, применяя знания на практике. Оставив в иллюзиях клубов и разврата тех, кого трясина затянула глубоко.

Он посещал мужские монастыри, отмывался. Возвращался. До рвоты лазил по тёмным подвалам и снова тащил ресурсы на свою базу. Отчасти, у него получилось: удалость найти единомышленников, кто старательно зачищал любую информацию открытого ящика Пандоры в памяти осведомлённых. Так у него появились в подчинении гипнологи, руководители: нет, не стоящие над ним, а те, которые водили руками и человек принимал транслируемые мысли за свои. Вдохновение захватывало его Дух идеей об абсолюте и Высшей власти, приходилось опять отмываться, чтобы не завершить свои дни с пометкой «мания величия», по указке оставшихся с воспоминаниями членов клуба.

Тогда было всё просто, но сейчас, когда вопрос перестал принадлежать замкнутому пространству и перешёл на международный уровень, появились контроль, наблюдатели, много новых терминов: «эмансипация, феминизация, сексизм, харасмент, чайлдфри». Старые методы изжили себя. Приходилось продумывать операции тщательно, каждое знакомство и возможность подхода к объектам. А самое главное, учитывать совместимость сотрудников с подопечными. Апостол всё чаще чувствовал себя свахой, не как в молодости.

сти: тогда он считал себя элитным сутенёром, а именно свахой, которая вычитывает личные дела сотрудников, изучает «Объекты» и сводит их в попытках лояльно решить вопрос обмена энергией на основе любовной зависимости дамы.

И вот, Мирон. Налажал. Но к этому сотруднику у Петра Сергеевича возникали скорее отцовские чувства. Парень пережил череду потрясений до поступления на службу к ним. Срочником в восемнадцать лет попал в горячую точку, после трагедия – мать и отец сгорели в собственном доме, за день до его возвращения домой. Не дождались. Поддерживать сироту – благое дело, но поймать себя на мысли о том, что Мирон – оборотень?

Случайности не случайны. Либо сотрудник с объектом настолько разные потенциалом, что сработал эффект чрезмерного напряжения от соприкосновения полей. Либо, о чем хотелось думать меньше всего – подопечный намеренно толкнул девушку, скачав потенциал сразу, не дожидаясь дальнейших указаний. После своего опыта инициации Пётр Сергеевич предпочитал в сомнительных ситуациях подозревать всех, не делая поспешных выводов. В дело войдёт третье лицо. Не желая компрометировать Мирона, рассказывать обо всех обстоятельствах Апостол не планировал. Начать придется со стартовой точки. Поговорить с Еленой и выяснить характер и особенности объекта.

Яблоко раздора – как трюк вполне допустимая стратегия для тех, кто желает вернуть себе свой потенциал или ото-

мстить за нанесённый когда-то ущерб. В стандартной схеме: от простого – к сложному, Апостол предпочитал двигаться в обратном направлении от сложного – к простому.

Встреча

— Умеешь снять напряжение, всегда за это тебя любил,
— Пётр гладил по волосам лежащую рядом с ним в постели Елену. Она с истомой посмотрела на него, улыбаясь. Прижалась к его волосатой груди макушкой. Мужчина обнял её.

— Мне нравится, когда ты такой, — вполголоса ответила она. — Помнишь, когда мы только познакомились, каким ласковым был? Я тогда поверить не могла в своё счастье.

— А сейчас веришь?

— Я за эти годы успела тебя изучить. Ты ласковый, только когда тебе что-то от меня нужно, — задумчиво произнесла психолог.

— Что, например? — Апостол улыбнулся. Поцеловал в макушку.

— Снять напряжение или помочь в череде твоих тайных заговоров, — голос Елены менялся, просыпались болезненные воспоминания о годах их отношений.

— Всё так хорошо начиналось. Я в душ! — мужчина резко поднялся с кровати, глотнул воды из стакана, стоящего рядом на прикроватной тумбочке.

Елена наблюдала за привычными перепадами настроения любимого мужчины. Он стоит перед ней, обнажённый. Несмотря на возраст за пятьдесят, тело его в отличном состоянии. Седина коснулась висков, черты лица стали жёст-

кими, волевой подбородок, тонкая линия губ. Мелкая сетка морщин в уголках глаз, ей нравилось, когда он улыбался, лицо его напоминало персонажа из добрых сказок. Но то, что пережила с ним она за долгие годы, сказкой назвать сложно.

Восемнадцать лет назад, Елена с подружкой решили отправиться отмечать день рождения девушки в клуб. Лене исполнилось двадцать лет, подруга предложила отпраздновать широко, с танцами, шумно, до утра пить, гулять и веселиться. Скромная студентка Леночка, по тем временам была уникальным явлением, так как ещё являлась девственницей. Она мечтала о принце, белом подвенечном платье, семье и детях. Женя – подруга, в плане знакомств и секса была раскрепощённой. Лена всегда ждала новых историй о романах девушки. С грустью осознавая, что первой замуж выйдет Женька, мужчины не баловали вниманием Елену, им попросту было с ней скучно.

– У тебя есть что-то удобное для танцев? — Женя запрыгнула на кровать в комнате студенческого общежития, поджав под себя ноги.

– Я думала в платье пойти вишнёвом. — Лена сияла от радости.

– Том, с ажурным воротничком? — Евгения демонстративно сморщила нос.

– Да, в нём. — Елена, осознав, что её идея не понравилась Женьке, вспоминала, что есть у неё из одежды. В отличие от подруги, которая модно смотрелась в короткой юбке и тон-

ком пуловере, таких вещей в гардеробе у Лены не наблюдалось.

— О, у тебя же есть джинсы, рубашка белая и сапоги без каблуков. — Женя оживилась.

— И что это будет?

— Мы соберём тебе волосы в тугий хвост, рубашку заправим небрежно в джинсы.

— Будет кот в сапогах, — огорчённо выдохнула именинница.

— А футболки обычные есть?

— Жека, холодно.

— Ну не в ботинках же и шерстяной юбке идти в клуб, — Евгения мысленно просчитывала время до открытия клуба. — Давай побыстрее, ты во всём красивая.

— Мне без разницы уже на самом деле, если не платье вишнёвое, тогда пусть сапоги и джинсы.

Лена понимала, что любая вещь из её гардероба не может конкурировать с нарядами тусовщиц. Девушка трезво оценивала свои шансы на знакомство с парнем в присутствии Жени. Поэтому, решив не портить себе праздничное настроение, спешно натянула джинсы, подняла ворот рубашки, закатала рукава в три четверти. Волосы в тугий хвост, джинсы заправила в сапоги.

— Ого, смотри, как здорово получилось, почти аристократический жокейский стиль, совсем другое дело, — Женя сама не ожидала такого фееричного перевоплощения подруги.

— Только вот эти две верхние пуговички мы расстегнём.

Подруги, в ожидании незабываемого вечера, накинули куртки и побежали к автобусной остановке.

В клубе играла громко музыка, в свете неона белая рубашка Лены смотрелась гораздо эффектней дорогих нарядов других девушек. После третьего выпитого коктейля Пина колада, настроение девушек зашкаливало от движения, танцев, музыки. Лена, уставшая заправлять каждый раз рубашку в джинсы, решила завязать узлом на талии деталь гардероба. Тонкая талия обнажилась. Женя, отлучившаяся к барной стойке за коктейлями, увидев преобразование подруги, демонстративно кивнула головой, показав большой палец правой руки. В этот момент, на обнаженный живот девушки сзади легли горячие, огромные ладони, обхватив талию Лены почти полностью.

— Прикройся, не стоит так рисковать, — наклонившись, прошептал незнакомец ей на ухо.

Елена повернулась, чтобы возмутиться. Перед ней стоял тот самый принц из её фантазий. Взрослый, высокий брюнет, с ослепительной улыбкой и бездонными глазами:

— Хочешь, отвезу вас потом с подругой по домам?

— Нет, спасибо, мы до утра тут будем, — прокричала Елена, сжавшись внутренне от собственного отказа. Ей так хотелось кричать другое. Но что-то внутри неё сопротивлением подавляло нужные слова.

— Я тут ненадолго, оставь свой номер телефона, — при-

стально глядя в глаза девушке, произнёс он.

— У меня нет телефона, — Лена понимала, что возможности встретиться ещё раз с ним у неё уже не будет.

— Где тебя искать? — мужчина настаивал.

К увлечённым беседой подошла Женя.

— Меня Евгения зовут, — отдав коктейль Лене, прокричала она.

— Меня Пётр, а тебя? — не обращая внимания на подошедшую подругу, обратился он к Елене.

— Лена я.

Женя, обескураженная отсутствием внимания в свою сторону, потянула свободной рукой подругу к себе.

— Мутный он какой-то, пошли в толпу! — взволнованно, шёпотом предостерегла она Лену.

Подруги скрылись среди танцующих.

Через час, когда вечер был в разгаре, мужчина вновь подошёл к девушкам.

— Опять ты, не мешай отдыхать, — выпившая Женя с недовольством посмотрела на него.

— Лена, можно с тобой поговорить? — мужчина настаивал.

— Что? — отойдя немного в сторону, именинница смотрела влюблёнными глазами.

Пётр протянул в руку девушки коробку с телефоном.

— Теперь у тебя есть телефон, а у меня твой номер. Точно подвезти не надо?

– Спасибо, мы сами, — если бы девушка была хоть немного трезвее, ей бы никогда не хватило смелости взять подарок.

Так в жизни Елены появился Пётр, который стал её первым мужчиной. Причиной первого аборта, невозможности забеременеть после, принцем из совсем не доброй сказки. Он старался, как мог заботиться о ней, переживая о полованной судьбе. Помог поступить в аспирантуру, устроил её карьерный рост психолога. У Елены были другие мужчины в промежутках, когда болезненные отношения пыталась разорвать, но как только они узнавали, что девушка не может иметь детей, спешно ретировались. Петя оставался рядом, но никогда не обещал ей быть вместе. И никакие знания в психологии девушки или использование приёмов обольщения не сдвинули статус любовников в сторону брака. Позже профессиональные навыки Лены стали подспорьем в работе Апостола. Они были друг для друга всем и никем одновременно.

Пётр вернулся из душа.

– Кто тут у нас такой хмурый лежит, чего губки надула?

– Всё хорошо, — переворачиваясь на живот и уткнувшись в смартфон, ответила Елена. Почувствовав, как мужчина подползает к ней сзади, гладит по внутренней стороне бедра. Капли с его тела падали на кожу Елены, вызывая волнительное возбуждение.

– По-моему, кое-кому надо добавить удовольствий! — Пётр проскользнул рукой по половым губам, проникнув

внутри пальцем. — Мммм... Какие мы влажные и горячие внутри!

– Говори прямо, что от меня надо, — раздвигая ноги в сторону, игриво ответила она.

– Рот освобожу минут через десять и всё расскажу.

Елена отложила в сторону смартфон, сладко потянулась, перевернулась на спину. Сжала в пальцах волосы Петра, принудительно опуская его голову в область своего лобка.

– Сначала там заверши, потом я тебя внимательно выслушаю, — запрокинув голову на подушку, застонала от прикосновения горячего языка к клитору.

– Какая отзывчивая леди!

Сбор информации

Елена с Петром, насытившись страстью друг друга, пили красное сухое вино. Оно искрилось в бокалах, в свете приглушённых бра.

– Начинай, ты сегодня ведёшь, — Елена улыбнулась.

Порой Пётр ловил в мимике любовницы загадочные нотки желания узнать его через вопросы, которые он задавал по работе.

– Я хочу узнать больше деталей об Анне.

– Это твоя личная заинтересованность или производственная необходимость? — Елена, за годы отношений, всегда настораживалась, как только Апостол интересовался другими женщинами.

– Глупенькая, конечно, исключительно по работе.

– Я передала тебе записи, где были необходимые подтверждения того, что у девушки есть в подсознании связь с другой жизнью, что может тебя ещё интересовать?

Мужчина понимал, что не может задавать вопросы так же открыто, как коллегам. Он дорожил информатором в лице Лены. В последние годы сложнее становилось вычислять в толпе и выходить на обладателей потенциала. Возможно, причина в том, что отдел Апостола изначально слишком активно и нагло вторгся в чужой мир. Молниеносно, перебрав в мыслях подходящие фразы, продолжил:

– Да тут такое дело вышло: сотрудник в больницу попал, папка с документами осталась у него в квартире. Не хочу настаивать на необходимости передачи документов, пока он госпитализирован.

– Ответь мне, пожалуйста, на вопрос, — психолог была строга, несмотря на атмосферу, которая располагала к ласкам. — Я знаю тебя много лет, ты часто отвечаешь мне, что информация секретная, и я просто должна доверять тебе. Но что будет с ней?

– Ты о чём? — Пётр посмотрел пристально.

– Тогда, в клубе, ты подошёл ко мне по работе?

– Странные мысли. Я влюбился в тебя с первого взгляда. Наблюдал за вами сначала со стороны, но когда ты решила обнажить свой животик, не сдержался, — мужчина попытался смягчить флиртом разговор.

– Не убедительно. Почему тогда ты так и не женился на мне, и пришлось сделать аборт?

– Лена, я неоднократно тебе пояснял, тогда у меня была служебная квартира, запрет на семейную жизнь. Если бы мы решили пожениться, а уж тем более родить ребёнка, всего этого бы не было.

– Петь, чего этого? Встреч, когда я тебе нужна, или что именно это ты имеешь в виду? Что из всего тут стоило того, чтобы отказаться от ребёнка?

– Он не смог бы родиться здоровым! — Апостол сменил тон на более жёсткий.

– Только потому, что ты так решил?

– Давай сменим тему! Что там по Анне? — внутри муж-
чины сомнением пробежала идея о том, что он теряет кон-
троль над ситуацией в целом, как только вопрос касается это-
го «Объекта». — Или ты настолько очарована ей, что она
тебе дороже меня?

– Я не ей очарована, не стоит сейчас манипулировать.

– По-моему, ты устала, — Пётр знал за эти годы, что для
Елены подобные слова, как красная тряпка для быка.

– Что ты хочешь узнать? — сухо ответила она.

– Есть ли у неё хобби, интересы, что рассказывала она про
своё детство?

– Я бы её назвала скорее инопланетянкой. Иногда мне ка-
залось, будто девушка намеренно путает наши сеансы, пе-
реводя разговор в нужное ей русло. Слово нет никаких за-
цепок, которые помогут раскрутить её, — психолог задума-
лась. — Возможно, классическая музыка.

– Ещё? — Пётр оживился.

Елена в негодовании смотрела на Апостола. Час назад
у них был потрясающий секс, после чего она, расслаблен-
ная в его постели, лежит под градом вопросов и ведением
неуместных бесед о другой женщине.

– Мне интересно, что происходит с женщиной после того,
как вы находите нужные доказательства ваших собственных
предположений? пытки как в фильмах об инквизиции?

Апостол смягчился, услышав от Елены такое мнение.

– Ты что, реально думала, что мы применяем старые методы?

– Я смотрю, тебя заводит тема пыток, — Лена выпила залпом оставшееся в бокале вино.

– Давай объясню один раз на пальцах, не раскрывая секреты своей службы. Ты считаешь, что женщин, которые идут в салон красоты ради того, чтобы им раз в полгода делали сто уколов красоты в лицо, или тех, кто раз в месяц добровольно делает депиляцию бикини, можно напугать болью физической?

– Сейчас ты меня пугаешь ещё больше, тогда что? — Елена с недоверием смотрела на Апостола.

– Я же сказал тебе, никто не раскроет секреты ведения дел, а уж тем более женщине. Давай бокал, пустой уже.

– Тем более женщине? Кто я тогда для тебя все эти годы?

– Леночка, не надо передёргивать, — попытался обнять Лену, но она всячески сопротивлялась прикосновениям.

– А мать твоя тоже под подозрением твоего этого волшебного отдела? Она же женщина.

– Не волнуйся, защитница сирых и убогих, никто не попадает в разработку случайно.

– То есть только сирые и убогие могут быть спокойны, что вы не станете выворачивать наизнанку постельное бельё и душу в поиске доказательств?

– Лена, тебя несёт! — мужчина внутренне негодовал, как за короткий промежуток времени Анна смогла очаровать

психолога.

Вероятно, Мирон прав: Апостол посчитал рядовым делом, которое требует пристального внимания. Это логично, что при уменьшении количества ведьм увеличивается сила каждой из сохранивших своё предназначение. В совокупности, ненависть и желание отмщения других, уже сложивших свой потенциал в копилку мужской успешности. Или ведьмы смогли сохранить энергию и сложить её. А может, вернуть?

Елена, заметив задумчивость Апостола, решила продолжить откровенный разговор.

– Когда ты проснёшься от давления собственных амбиций на разум, ты будешь сидеть один вот в этих квадратных метрах. Да, в престижном районе, да, в просторных четырёхкомнатных апартаментах с видом на Кремль. Но что ты подумаешь тогда, когда поймёшь, что одиночество пожирает тебя до мозга костей?

– Тогда я закажу себе восемнадцатилетнюю модель и буду бухать с ней до утра, пока не усну.

– То есть я уже не совсем твой формат? — Елена смотрела на мужчину глазами, полными слёз.

– Ты сама начала этот бесполезный разговор.

– Ты сломал мне жизнь, я люблю тебя все эти годы, и ты признаёшься сейчас в том, что то, к чему стремился – это возможность пить до беспамятства в компании молодой проститутки?

– Модели, Леночка, модели. Ты же не сказала, что будешь

в этот момент рядом со мной. Как там, напомни, одиночество, жрущее кости?

— Мне надо было уйти раньше. Нашей дочери сейчас было бы восемнадцать! Возраст твоей желаемой модели! — слёзы предательски лились по щекам Елены.

— Лучше сразу, тогда, в первый вечер, а не раздвигать ноги первому встречному, — Апостол потянулся за бутылкой.

Елена молча поднялась с кровати, взяла своё платье, влоча его по полу, дошла до коридора.

— Лена, прошу тебя, не надо за руль выпившей, — Пётр надеялся на её возвращение.

— Петручо, что сделали они с тобой за эти годы? — на прощание силуэт полуобнажённой женщины в просвете холла. Дверь с шумом захлопнулась.

— Классическая музыка, значит. Хоть что-то! — Апостол знал, утром Елена извинится в сообщении. Напишет, что любит. Конфликты возникали и раньше. Одно лишь изменилось: она перешла на личности. Вышла из-под контроля. «Может, пора уже и надоевшей пассивности назначить молодого сотрудника?».

В лифте на скорую руку натянула платье, накинула плащ. Сегодня она уже мало напоминала ту нерешительную девушку из ночного клуба. Но как хотела бы она вернуться в тот вечер и сказать вместе с Женькой «Нет!» ему.

Просто жить, просто танцевать и веселиться. Выбросить с полку книги, давно уже не увлекавшие её. Сложно осознать,

пытаясь научить женщин не быть жертвами манипуляторов, сама она много лет была просто марионеткой для любимого мужчины.

Елена шла по пустынной улице. На углу дома игриво замерцала вывеска — Бар «Отрешение». В полуподвальное помещение вели обветшалые кирпичные ступени. Миновав на каблуках полуразрушенный путь к ожидаемому бару, с усилием толкнула дверь.

Отрешение

В баре – безлюдно, скучающий бармен натирал пивной бокал белым полотенцем. Единственный посетитель за столиком в углу не обратил внимания на гостью заведения. Скинув плащ, отодвинула тяжёлый деревянный стул, характерный скрип разорвал тишину. Атмосфера не располагала к веселью. Паутина, свисающая с металлических канделябров, рисовала замысловатые маршруты, движимая сквозняком. На полках пылились предметы интерьера советских времён. Глобус, печатная машинка, керосиновая лампа, уют, потрепанные книги, веретено. Выглядело всё так, словно кто-то приволок эти сокровища после разбора дедушкиного гаража. Больше всего смутил пластмассовый чебурашка и резиновый мяч рядом. Не удивительно, что она раньше здесь не была: слишком уж удручающая картина. Официант, худощавый парень лет восемнадцати, в свитере и рваных джинсах неторопливо нёс меню:

– Добрый вечер! Кухня уже закрыта, можете воспользоваться услугами бара, у нас есть фирменные напитки, которые вас приятно удивят.

Елена раскрыла липкую папку с надписью «Отрешение», внутри сурово болтался одинокий ламинированный лист с перечнем напитков: «Мухомор, забвение, развод, отрешение, детская неожиданность, зачатие, бабкин компот». Ме-

ню изобиловало оригинальными названиями, вызывая все больше сомнений в том, что это стоит пить.

— Может, посоветуете что-то на ваш вкус? — Лена беспомощно посмотрела на бейджик официанта. — Виталий.

— Начните с нашего фирменного «Отрешения».

— Хорошо, несите его, — достала смартфон из сумки в надежде, что Пётр хотя бы в этот раз напишет первым. Извинится, попытается узнать, как она в таком состоянии добралась до дома. Неотвеченных сообщений и звонков нет.

Попыталась вспомнить, было ли такое когда-нибудь, чтобы Апостол первым выходил на связь... не из необходимости получить от неё содействие по работе. Память обречённо отрицала все варианты положительного ответа. Как она не заметила этот момент, как не рассмотрела в нём сразу человека, который относился потребительски? Он не изменил отношение к ней сегодня, лишь откровенно ответил на вопросы, которые давно хотела ему задать, но не решалась. Психолог много лет своим пациенткам внушала: необходимо говорить с близкими, не молчать. Почему же сама поступала иначе? В её определении Петра, как мужчины, безоговорочно стоял заслон на любое противоречие. Молчание ягнят. Слезы вновь потекли по щекам.

Она обрекла себя на одиночество ничуть не меньше, чем любимый мужчина. Резиновый мяч скатился с полки, подпрыгивая по каменному полу к ногам Елены. Ей на минуту показалось, что с ней пытается играть нерождённая дочка.

Женщина пристально смотрела на мяч. Посетитель встал из-за столика, подошёл к ней. Наклонился за мячом, рукав его рубашки приподнялся, обнажив предплечье с загадочными татуировками рун. Сжал мяч, от давления его пальцев предмет деформировался.

— Так бывает! Не волнуйтесь, — положил мяч на место, вернулся за свой столик.

Подоспевший с рюмкой официант отвлёк Лену от произошедшего.

— Ваш заказ, — не отходя, он ждал, когда она опустошит содержимое.

Лена выпила залпом, лёгкий холодок на губах от ментола плавно перетекал в ощущение тепла в горле. Почувствовав расслабление, кокетливо заправила за ухо локон волос.

— Виталий, а что у вас ещё любят дамы?

— Что любят пить? — официант смущенно смотрел на посетительницу.

— Пить! — Елена кивнула, в глазах промелькнула таинственная искра воодушевления.

— Развод, зачатие, забвение.

— О, мне сначала развод, потом забвение, потом зачатие. Сразу в ряд поставьте и счёт.

Проснулся неожиданный интерес к посетителю, который помог ей с мячом. Она же не поблагодарила его. Неудобно было оборачиваться, чтобы посмотреть. Итак, лысый, бородатый, с татуировками, ухоженные руки, крепкого телосло-

жения.

– Развод, забвение, зачатие, счёт! — провозгласил Виталий, выстраивая последовательно рюмки на столе.

– Минуточку, сначала счёт. Потом вы мне ещё раз расскажите, чтобы не перепутала, — Елена рассчиталась с официантом, оставив щедрые чаевые.

– Смотрите на меня и запоминайте, — Виталий пристально посмотрел на Лену. — Я сейчас уйду, дамская комната в конце зала направо.

– Я не спрашивала про дамскую комнату.

– Меня может не оказаться рядом. Зелёная рюмка – развод, красная — забвение, белая – зачатие. Запомнили?

– Вы меня, как в космос отправляете. Не волнуйтесь, Виталий, справлюсь.

– Хорошего вечера! — официант улыбнулся на прощание.

Психолог выпила рюмку с зелёной жидкостью. Развод. Горькое послевкусие тянулось от губ к горлу. Красная – забвение, сладость в сочетании с привкусом жасмина успокоила горечь во рту. Женщина выдохнула, расправив плечи. В теле волнами пробежало ощущение возбуждения, интерес к мужчине за столиком странным образом усилился. Пульсация в области таза. Осталась белая рюмка – зачатие. С грустью посмотрела на тёмный экран своего смартфона, Пётр так и не написал. Но её это уже волновало гораздо меньше, чем полчаса назад.

Белая рюмка. Привкус яичного белка в сочетании с аро-

матом солёных огурцов и сгущёнки. Пытаясь проявить максимум вежливости к заведению, тяжело сглотнула, стараясь утрамбовать внутри себя эту совокупность несовместимых ингредиентов. Замерцали яркие белые пятна перед глазами, приступ тошноты спазмами выталкивал содержимое рюмок обратно. «В конце зала направо».

На удивление, дамская комната оказалась просторной и чистой. Так её не выворачивало никогда: она стояла на коленях перед унитазом до полного опустошения желудка. Только после третьего позыва организм благополучно дал отчёт о том, что процесс завершён. Умываясь над раковиной, вспомнила: свои вещи оставила за столиком. Распахнула дверь.

Зал бара трансформировался: стильный лофт с мебелью в полинезийском стиле, винный шкаф, картины с яркими абстракциями, аккуратные стопки книг на полках дубовых шкафов. Психолог испугалась, вернулась обратно в туалет, закрыла дверь, зажмурила глаза, снова открыла дверь. Бар по-прежнему выглядел уютно с картинами и винным шкафом. Навстречу шёл лысый посетитель с её плащом и сумочкой в руках.

— Токсикоз? — заглядывая в глаза Елене, заботливо спросил он.

— Я не понимаю, — Лена взяла свои вещи. — Тут был убогий бар с паутиной и серыми стенами.

— Квантовый скачок, так бывает, — удивительно, для мужчины вся эта ситуация не была чем-то из ряда вон выхо-

дящим.

– Вы меня успокоить пытаетесь? Не подумайте, я не сошла с ума.

– Всё в порядке! Просто поверьте, — взяв за запястье Елену, решительно направился к барной стойке. — Дим, налей молока стакан.

Лена села за столик, озираясь по сторонам. Всё изменилось.

– Здесь же мяч был и чебурашка, веретено, печатная машинка, глобус, паутина... — шёпотом обратилась она к собеседнику. — Я что, выпила наркотический препарат?

– Нет, такое случается.

Бармен поставил на стол стакан, мужчины вдвоём смотрели на женщину.

– Пей, полегчает.

Елена залпом выпила молоко, почувствовав, как дискомфорт покидает её.

– Своя, — бармен обращался к лысому.

– Своя. Ребятам скажи, отбой.

Дима отправился к барной стойке.

– Зовут как тебя?

– Елена.

– Я – Егерь. Идём, отвезу тебя домой.

Егерь

— Адрес навигатору скажи, — мужчина поправил зеркало.

Ехали молча. Психолог пыталась отойти от пережитого за этот день стресса.

– Почему Егерь? — прервала она своё молчание.

– Тебе это важно? Или просто хочешь поговорить о чём-нибудь?

– Почему своя, что такое квантовый скачок, кто ты и что происходит? — выпалила Елена.

– Ехать долго, но раз уж ты такая любознательная, могу рассказать по порядку.

– Только не вздумай начинать с того, что это секретная информация.

– О, как мы заговорили! Хорошо, это секретная информация.

– Ты издеваешься?

– Красивая ты, когда злишься. Своя, потому что не сущность, сущность молоко бы отвергла, квантовый скачок – перемена уровней присутствия. Я – Егерь, происходит то, что ты захотела сама, — он не отводил глаз от дороги.

Елена притихла, словно пытаясь анализировать совокупность непонятных ей фраз, рассматривая руны на его руках.

– А что твои тату означают?

– Боишься меня?

– Почему-то нет, — психолог только сейчас задумалась.

Она села в машину к незнакомому мужчине, с которым даже не познакомилась толком, ничего кроме «Егерь» о нём не знает.

– Так бывает! — ответил своей крылатой фразой и улыбнулся. — Еда дома есть?

– Вроде что-то было, я не готова сейчас к ужину.

– Завтрак уже почти.

Посмотрела на часы: шесть часов утра. Как такое может быть? Ей казалось, что она провела в баре максимум полтора часа. Зашла туда ориентировочно в час ночи.

– Не пытайся сейчас, после перерождения, сложить мозайку в неподготовленном сознании. Женщинам много думать вредно в принципе, а когда что-то происходит за гранью их понимания, тем более.

– А как тогда?

– Просто представь, что с тобой произошло чудо, ты веришь в чудеса?

– Давно уже нет.

– В чудеса надо верить. Хочешь, покажу?

– Я устала. Если можно, не сегодня.

«Вы приехали» — отвлѣк навигатор от разговора. Елена почувствовала впервые за много лет нежелание уходить от мужчины вот так просто. Коснулась пальцами ручки двери автомобиля, чтобы выйти. Всем телом её тянуло назад. По-

пыталась снова решиться выйти, тщетно.

– Пожалуйста, пойдём ко мне в гости, я не смогу уснуть одна. Мне страшно.

– В какой день недели, в котором часу ты выйдешь ко мне осторожно? Когда я тебя на руках унесу туда, где найти невозможно... — Егерь смотрел на Елену. — Откуда слова-то хоть, знаешь?

– Высоцкий.

– Вот и отлично, значит, подружимся. Так что там с едой?

– Сейчас что-нибудь придумаю.

Зашли в квартиру, Лена включила свет, по привычке положила ключи на полку перед зеркалом, посмотрела на своё отражение и замерла. На неё смотрела она, только другая. Гораздо моложе, лет на десять: ушла тусклость глаз из-за грусти, разгладились морщинки. Женщина не могла оторвать глаз от увиденного в зеркале.

– Как же я люблю наблюдать эти моменты! — Егерь заглянул в отражение из-за плеча Елены.

– Какие моменты?

– Холодильник где? Сейчас ты побежишь в ванную комнату рассматривать себя при хорошем освещении. Без одежды. Сильно только не кричи от радости. Я пока кофе себе сделаю, до того, как твои, «почему» начнут сыпаться из рога изобилия.

– Кухня там. — По-прежнему не отрываясь от зеркала, произнесла она. — Что происходит?...

– Ты же устала и не веришь в чудеса, — Егерь ушёл на кухню.

Созерцание своего помолодевшего обнажённого тела доставило женщине невероятное удовольствие. Тургор кожи, подтянутая грудь, даже кожа на пяточках разгладилась. Каждая клетка её тела спорила с сознанием, что всё это невозможно и ей просто снится сон. На кухне Елену ожидал он. Сняв рубашку, пил кофе и смотрел телевизор. В его поведении было что-то такое непринуждённое и свободное, что вызвало в ней неминуемое притяжение.

– Так, стоп, только без рук. Знаю я вас, только вынянькал, уже целоваться лезете! — Егерь был строг.

Елена остановилась за пару шагов до него, осознав, что она абсолютно нагая.

– Грёбанный ты Копперфильд. Говори, что в баре подмешали мне? — попыталась возмутиться.

– Ты лучше спроси себя, кто тебя так долго держал до бара на поводке? А потом поговорим. Свободу мало получить, ей ещё надо уметь управлять. И в целом, не стоит отрицать, что я весьма привлекателен, — ноты сарказма в совокупности с довольной улыбкой сражали очарованием наповал. — Потом мы ещё с тобой урок по харизме проходить будем.

– Можно как-то без этого всего?

– Можно. Хочешь, пойдём сразу спать. Я тоже подустал уже гонять тебя всю ночь. Спальня где?

– Ну и наглый же ты.

Егерь допил кофе, потёр свои ладони. Подошёл к Елене вплотную, жар от его обнажённого торса чувствовался до прикосновения. Поднял её на руки, отнёс на кровать. Завернул в одеяло. Лёг рядом.

— Я расскажу тебе сказку, а ты засыпай, — произнёс шепотом.

Лена смотрела на мужчину заворожено в свете пасмурного утра.

«Когда-то, давным-давно, в одном маленьком городе родилась девочка. Ещё при её рождении жители города заметили, что в саду дома, где она жила, расцвели дивные цветы и птицы пели волшебные трели. Девочка росла, слава о её даре разнеслась молвой людской. Чем старше она становилась, тем сильнее дар проявлялся. Она привыкла, что люди приходят любоваться ею, и тем, как вокруг дома гуляют животные, летают игривые стрекозы, божьи коровки. Прознал о девочке король...» Егерь посмотрел на Елену, она безмятежно спала. Встал с кровати, зашёл на кухню, надел рубашку.

Тихо захлопнул за собой входную дверь.

Воронье крыло

Пётр проснулся утром от головной боли. Он не испытывал подобных ощущений примерно двадцать лет. Прилив агрессии жаром пробежался по телу. Поднялся с кровати, нажатием кнопки раздвинул шторы: яркое солнце заполнило светом комнату, резко ударив по глазам. Апостол прищурился, он не мог проспать так долго. Посмотрел на часы: на заставке смартфона, десять двадцать три. Почему его не разбудили привычными по утрам звонками, не пришло сообщение от Елены?

Отсутствует сетевое подключение, попытался связаться с оператором. «Данный вид связи недоступен для абонента», проверил баланс телефона. Минус. Попробовал подключиться к точке доступа, интернет-соединение разорвано. Агрессия сменилась на ярость. Вопросы получится решить только после того, как он доберётся до ближайшего банкомата. Пётр точно помнил, что все услуги оплачены вовремя, автоматическим списанием с карты. Возможно, сбой внутри дома. Щёлкнул на кофеварке кнопку «американо», аппарат ответил шипением и россыпью в разные стороны мелкой крупы дроблёного кофе. «Почистите фильтр» замигало на табло. Стукнул по столу напряжённой ладонью.

Не должно быть всё так, что происходит? Головная боль не позволяла сосредоточиться на попытках анализировать

повреждённые матрицы судьбы.

Зашёл в ванну. В зеркале отображался седой мужчина с глубокими морщинами и тёмными кругами под глазами. Только сейчас Пётр осмотрел своё тело с пониманием: за время его сна изменения произошли непоправимые. Мелкая сетка морщин покрывала всё тело, дряблые руки в области трицепса болтались провисшей кожей, местами проявились возрастные пигментные пятна. Кожа с оттенком серости и тусклые белки глаз. Да, ему за пятьдесят, но ещё вчера вечером мужчина принимал душ и его внешний вид был не как у потрёпанного мешка на рыночном складе. Всё это напоминало дурной сон. Апостол понятия не имел, как вырваться из лап этого кошмара. Зажмурил глаза, открыл: картинка не изменилась, ущипнул себя за запястья, болевое ощущение рефлекторно отозвалось сигналом в теле, усилив головную боль. Встал под душ, включил воду, на него с клубом пара вырвалась горячая вода. Покрутил вентиль холодной воды – бесполезно. Открыл технический шкаф, в попытке проверить. Всё в порядке. Выдернул из гардеробной свитер и джинсы, натянул кроссовки.

На улице, на капоте припаркованного автомобиля Петра Сергеевича расхаживал, клаца когтями по глянцу, чёрный ворон. Мужчина подошёл ближе, махнул рукой с громким матом – ворон не реагировал. Птица упрямо со скрипом царапала мощными лапами капот. Апостол подошёл ближе: «Пшёл отсюда, мразь!» Ворон, громко каркнув, подлетел к

лицу Петра, едва не зацепив когтистыми лапами глаза, махнул крылом по виску и улетел прочь. Машина с визгом резины по асфальту сорвалась с места.

Ворон, пролетев двести метров, приземлился на плечо стоявшего под деревом мужчины. Егеря порадовала последовательность событий, которую он созерцал с момента выхода Апостола из подъезда. Посмотрев на птицу, важно восседавшую на левом плече, протянул кусок вяленой говядины своему питомцу.

– Вот такая вот история, Гарик! Кащей без Елены прекрасной рассыплется гораздо быстрее.

Птица перемалывала клювом полученное угощение, закатывая от удовольствия глаза цвета дёгтя.

Апостол гнал на высокой скорости, нервно обгоняя попутные машины. Заехал в отделение банка, пополнил счет, перезагрузил телефон. Посыпались оповещения о пропущенных вызовах. Головная боль стягивала в тиски и сковывала каждое движение. В аптеке молодая фармацевт с сочувствием посмотрела на Петра.

– Вам давление необходимо измерить, возраст всё-таки, — протягивая упаковку нурофена, попыталась проявить заботу о покупателе.

– Не нужно! — резко отозвался Апостол, осознав, что девушка не испытала ни капли заинтересованности им, как мужчиной. Он не поймал дуновение флирта или попыток заигрываний.

Неужели это всё? Но почему так резко? В машине принял таблетку. После того, как головная боль отступила, наклонился корпусом вперёд, облокотившись на руль грудной клеткой. Он думал. Пытался соединить воедино события, предшествующие такому грубому откату. Его словно откачали под ноль. Всё то, что мужчина собирал и копил все эти годы, как своё энергетическое состояние, он утратил в это утро. Вспоминая предыдущий вечер, зацепился за фразу Елены: «одиночество, жрущее кости». Вот сука! Проявилась всё-таки. Не удивительно, что не позвонила и не написала.

Если бы мужчины когда-нибудь в своей жизни, после расставания с женщиной задумались о том, какова сила женской любви... Она окрыляет и дарит возможности, развитие, тепло и уют, укрывает любимого от печалей и горестей.

Егерь отключил Елену от связи с Апостолом ночью, в «Отрешении», до перерождения. Она получила обратно всю отданную в отношениях с Петром энергию, вернув свою молодость. Возлюбленный остался с реальностью своих лет, которая доводила его до исступления непризнанием физических проявлений.

Мужчины на протяжении многих веков пытаются уличить бывших в том, что они – ведьмы. Якобы, женщины проклинают или совокупляются с мистическими существами, чтобы отомстить мужчине за то, что он выбрал другой путь. В этом, по их мнению, причина дальнейших неудач, а не в сути утраты любви. Апостол выстраивал в голове план, как нака-

чать себя новой энергией и проучить психолога. Он не мог созерцать подобное своё отражение в зеркале – это разбивало его самолюбие и делало слабее. Почему он не заметил в ней потенциального врага? Получается, что столько лет собственноручно грел гадюку у себя на груди. Она отравила его ядом на прощание. Почти поцелуй смерти. Для Петра неспособность очаровывать женщин сводила его жизнь к утилизации из комфортной для него сферы.

Апостол шёл по коридору своего ведомства. Сотрудники в недоумении отшатывались в сторону, созерцая такие резкие перемены во внешности начальника. Открыл дверь приёмной, секретарь Инна, напуганная неожиданным приходом начальника, вздрогнула.

– Пётр Сергеевич, что с вами? — в ее лице отразился страх вперемешку с недоумением.

– Колдуна на хрен послал. Вадима ко мне срочно. И кофе принеси.

Вадим вошёл в кабинет с громким приветствием. Новый вид Апостола явно смутил сотрудника.

– Пётр Сергеевич, вы в порядке? — подходя ближе к начальнику, не скрывая своего шока, вкрадчиво произнёс он.

– Что? Настолько пугающе выгляжу? — с сарказмом ответил Пётр.

Вадим сел напротив.

– Мне нужна вся информация, которую сейчас можем обнаружить об Объекте! — Апостол протянул подчинённому

распечатанный скрин паспорта Анны.

Вадим сосредоточенно зашевелил пальцами по сенсору своего планшета. Инна принесла кофе, с сочувствием и опаской рассматривая Петра Сергеевича.

– Прошу тебя, уйди, — Апостола раздражало подобное изучение его персоны.

– Может, вам стоит обратиться к врачу? — девушка вжалась грудью в поднос, вцепившись в стальной круг дрожащими пальцами.

– Пошла на хер отсюда, я же сказал! — Апостол встал из кресла, зацепив блюдце на крае стола. Чашка с кофе опрокинулась ему на джинсы.

Вадим и Инна молча наблюдали, как огромное коричневое пятно расплывается на ткани. Инна со слезами выбежала из кабинета.

– Дура! — выругался начальник. Смял скрин паспорта Анны, пытаясь оттереть пятно.

Фотография девушки елозила по ширинке Петра. Распрямив испачканный лист, он рассматривал черты её лица. Мужчина поймал себя на мысли, что он сам с удовольствием занялся бы этим Объектом. Выразительные глаза, пухлые, манящие губы, тонкая шея, аккуратный носик. Его тянуло к ней. А это обозначало только одно – в Анне власти больше, чем в нём сейчас. Почуввав оттенки её сексуального воздержания, Апостол улыбнулся от объёма потенциала. И эта энергия ему пришлась бы сейчас кстати. Но как он может по-

явиться в таком виде перед молодой, почти в два раза младше его, девушкой? Почему он не рассмотрел сразу фотографию, не занялся лично? От мыслей о том, что он сам бессилён в ситуации, Петра охватила всеобъемлющая тоска.

— Пётр Сергеевич, не могу понять, вроде молодая девушка, а следов в соцсетях не обнаружено. Марсианка какая-то.

— Что, совсем ничего нет на неё?

— Нигде. А она не может быть сотрудницей другого ведомства?

— Нет, пробивали уже. Марсианка... — Пётр задумался, Елена тоже назвала Анну инопланетянкой. — Вадим, займись Объектом!

— Какой план?

— Из информации, которая есть у меня на неё, офис, где работает, но там в коллектив внедряться долго. Вопрос срочный. Любовь к классической музыке, съёмная квартира на набережной, — Пётр перебирал возможные точки соприкосновения. — Такая на улице не подпустит.

— Может, организовать билеты подарочные? — Предложил Вадим.

— Продолжай!

— Изучим график работы, приобретём два билета в Дом Музыки на концерт из ближайших мероприятий. Отправим ей один на почтовый ящик, уж это через фирму, где работает, выяснить можно.

— Можно, не проблема, — Апостол вернулся в кресло, по-

ложил перед собой чистый лист бумаги.

– А дальше – дело техники: она на концерте – в настроении погружения в любимую атмосферу, я с портфельчиком и в очках, выдам себя за ценителя классической музыки. Попробую подобраться так.

– Посмотри список концертов через неделю: у неё травма ноги сейчас, не думаю, что она попрыгает на одной к своей мечте.

Через час совместных действий был готов план. Оставалось лишь приступить к его реализации.

После того, как Вадим покинул кабинет, Апостол отметил на схеме концертного зала три билета. Два рядом и один билет для себя, двумя рядами выше. Идея проследить за операцией и рассмотреть девушку в режиме наблюдателя пробудила в мужчине желание секса. Член твердел, приподнимая влажную ширинку. Похотливо улыбнулся, поправив набухший пенис. Нажал кнопку оплатить.

– Инна, зайди ко мне.

– Пётр Сергеевич, — девушка, уже успела обновить испорченный слезами макияж.

– Сюда иди! Извиняться будешь! — Апостол поднялся из кресла.

Инна, за годы совместной работы уже понимала, для чего вызвал начальник.

– На колени! — вытаскивая ремень из джинсов, Пётр приближался к ней.

Подошёл близко, так, чтобы влажная ширинка коснулась смазливой лица секретарши. Взял за волосы, ткнул девушку лицом в пятно от кофе, вспомнил фотографию Анны.

– Раком встань, юбку задирай!

Девушка смяла юбку на поясище, обнажив красные резинки чулок, пристёгнутые к металлическим зажимам пояса.

– К кому мне надо обратиться? — грубо спросил Апостол.

– К врачу, — испуганно ответила.

Ремень с размаха коснулся ягодиц девушки, оставляя полосу на белоснежной коже. Взвизгнула.

– Сколько ударов? — оживлённый эмоциональной отдачей сотрудницы, Пётр входил в раж.

– Десять, — девушка сжала бёдра, чтобы удары не зацепили нежные половые губы.

– Уверена, что сможешь выдержать?

– Смогу, — прижалась к полу плечами, округлив зад.

Ремень со свистом скольжения по воздуху приземлился на ягодицы Инны ещё раз.

– Считай вслух и проси прощения! — продолжил наказание.

– Десять... — всхлипывая от обиды и боли, прошептала секретарь. — Извините меня, я больше так не буду.

– Ртом отработай, безмозгая, — Пётр Сергеевич сел на диван, расставив широко ноги, расстегнул натянутую ширинку. — Ползи сюда, не бойся!

Инна, оттопыривая круглые, пылающие жаром ягодицы,

медленно скользила капроном чулок по полу. Покорно села у ног мужчины. Начальник нежно погладил девушку по лицу, сжал щёки с двух сторон пальцами, губы её рефлекторно распахнулись. Посмотрел надменно в глаза.

– Чего замерла, соси!

С радостью, что экзекуция закончится в этот раз быстро, секретарша старательно подняла свитер начальника, провела напряжённым языком по пупочной впадине. Опустившись ниже, поцеловала лобок мужчины. С усилием стянула влажные джинсы до колен. Скользнула расслабленным языком по внутренней поверхности бедра, оставляя мокрый след слюны. Нырнула глубже, вылизала мошонку, погружая поочередно в рот яички. Поднялась выше, лаская кончиком языка уздечку, венчик головки.

Мужчина наклонился, расстегнул блузку девушки, обнажил напряжённые от возбуждения соски. Сжал их пальцами, сминая упругую грудь в ладонях. Инна, застонав, погрузила в рот головку пениса, лаская её языком внутри полости рта. Насадилась горлом на ствол члена, коснувшись носом упругих лобковых волос. Пётр намотал на кулак собранные в хвост волосы Инны, прижал голову её ниже, чтобы член упёрся в нежные ткани горла. Глаза девушки наполнились слезами.

– Вот такие твои слёзы мне нравятся.

Моноotonно повторял движением руки нужный ему такт и глубину оральных ласк. Почувствовав, как напряжение спол-

зает с головы по телу к низу живота, отклонился на спинку дивана. Есть рот для слива, который поглотит его дурное настроение. Она старательно направила ствол за щёку. Пульсацией горячие струи наполняли ей рот. Громкий выдох облегчения. Мужчина расслабленно расположился на диване.

– Начисто вылизывай и иди, умойся! В следующий раз будешь думать, что говорить.

Инна старательно облизала оставшиеся вязкие капли с члена, наспех застёгивая грядку жемчужных пуговиц на шёлке блузки.

– Спасибо. — Опустила юбку, протёрла губы ладонью. Медленно удалилась, покачивая соблазнительными бёдрами.

Апостола уже не напрягало пятно на джинсах, исчезло гнетущее состояние тоски.

Мысли об Анне и концерте вернулись спустя несколько минут:

– Навязчивая какая девочка. Посмотрим, на что ты способна!

Детство Анны

Маленькая Анечка заворожённо смотрела на мигающие огни новогодней гирлянды. В комнате царил аромат хвойного дерева, вперемежку с запахом утки, доносившимся из духовки. На бронзовом подносе статуи ангелочков держали высокие столбики белых свечей. Огонь игриво подпрыгивал каждый раз, когда входная дверь на первом этаже открывалась и взрослые гости с холодом метели входили в дом. Ещё совсем немного, и родители вместе с друзьями поднимутся в гостиную. Анюта расправила пухлыми ладошками белые кружева нарядного платья, встала из удобного кресла, обошла кругом праздничный стол, подвигая старательно приборы, тарелки и хлопковые салфетки с вышитыми ветвями рябины. В пустых бокалах отражались огни свечей и разноцветные лучи от лампочек. Девочка знала, что всю ночь сидеть за столом со взрослыми ей не разрешат. Мама рассказывала, что бой курантов поздно ночью, дети в такое время уже спят. Ей разрешили лишь недолго побыть, рассказать стишок, а потом уложат спать.

Раздались первые шаги по лестнице, в комнату вошла тётя Ани. Женщина демонстративно развела руками в стороны, после сложила ладони в области груди:

— Анечка, какая красота! — рассматривая украшенную гостиную, стол и ель, произнесла она. — А платьице какое

у тебя, нарядное!

Аня любила свою тётю: раскрыв объятия, выбежала навстречу, семена маленькими ножками в белых лаковых босоножках, стуча по дубовому паркету.

– Тётя Маша, здравствуйте.

– Это ты такую красоту навела тут? — обняв ребенка, спросила женщина.

– Это мы с мамой.

– Кудряшки какие у тебя, и заколочки, — Мария прошла в комнату, усадив девочку к себе на колени.

Гостиная постепенно наполнялась гостями, каждый – со своим восторженным приветствием маленькой девочке. Тогда, в детстве, Анюте казалось, что огромный мир кружится вокруг неё. Ей дарили подарки, рассматривали её платье и туфельки, восторженно хвалили за то, что она так подросла. Мама с папой, сидящие во главе праздничного стола, вели радостные разговоры. Шампанское с хлопком вылетающей пробки. Аня ждала, когда в центр стола, на красивом белом блюде с цветочными узорами, поставят румяную утку и папа, взяв специальную длинную двурогую вилку и нож, будет разделять праздничное блюдо, ловко орудуя инструментами.

Папа редко бывал дома, у него было много работы, поэтому, когда ему удавалось провести вечер в кругу семьи, девочка увлечённо наблюдала за всеми действиями отца. Аня ковыряла вилкой рассыпчатую гречку с грибами, которую

выложили ей на тарелку вместе с утиной грудкой. Для девочки грудка была суховата, поэтому, запивая персиковым соком, она подолгу пережёвывала кусочек, отрезанный сервировочным ножом. Мама всегда настаивала на том, что правила этикета девочка должна знать, вилка с ножом для ребёнка были нормой. Взрослые поочерёдно обращали внимание на Аню, это не доставляло ей дискомфорта. Девочке было привычно в кафе, куда они ходили с мамой, но почему-то всегда удивляло других, что ребёнок пользуется умело столовыми приборами. А ещё Аня знала, что сегодня ей предстоит рассказывать праздничный стишок, который они выучили с мамой задолго до праздника. Девочка не волновалась, она была уверена, что читать будет с выражением и даже в сопровождении с движениями рук, которые ей мама показала. Папа встал из-за стола, поставил табуретку, чтобы Аня было видно всем гостям. Лёгким движением руки поднял дочь на импровизированный постамент. Гости притихли в ожидании.

Мы с мамой проснёмся рано,
Тихонько нарядим ёлку.
Шары, мишура, гирлянды,
Успеть надо много столько.
Порадовать в светлый праздник
Гостей и любимого папу
И нам Дед Мороз проказник.
В мешке принесёт подарки.

Носочки для тёти Маши,
И галстук для дяди Миши,
Пусть все пожелания ваши
Мороз в свой блокнот запишет.

Девочка кивнула головой, дав знак, что стихотворение закончилось. Взрослые зааплодировали.

— Анята, откуда у тебя такое стихотворение? — спросила тётя Маша.

— Это мама написала.

— Какие вы у меня замечательные! — папа подхватил девочку на руки, подкидывая высоко.

Подошёл к маме, поцеловал её.

— Беги, там, под ёлкой, стоят твои подарки, — торжественно сообщил он дочери.

Шли годы, Анята пошла в первый класс, мама настаивала на том, что девочке необходимо играть на музыкальном инструменте. В их доме появилось фортепиано. Аня увлечённо отнеслась к идее, старательно записывала ноты, изучала нотную грамоту и мечтала играть обязательно так, как в передачах, которые мама смотрела по телевизору, восторгаясь. Папа хвалил Анюту за успехи в школе и таланты в музыке. Во втором классе музыкальной школы новая преподаватель сольфеджио относилась к стремлению девочки иначе. Она раздражалась каждый раз, когда Аня совершала ошибку, ворчала и называла девочку бездарностью. Анна не хотела огорчать родителей рассказами о том, как проходят её

уроки, интерес к музыке постепенно сходил на нет. После того, как преподаватель стукнула Аню по пальцам линейкой из-за перепутанного легато со стаккато, девочка решила, что больше никогда не подойдёт к инструменту. Объяснив родителям, что просто перехотела играть.

Родители уважительно отнеслись к выбору ребёнка. Взамен музыки пришло искусствоведение. Мама доставала из книжного шкафа увесистые книги с картинками художников и подолгу рассказывала о направлениях в изобразительном искусстве и художественных композициях. Аня всегда думала, что все семьи живут так, как её семья, пока не стала ходить в гости к друзьям. На праздничных днях рождения над девочкой посмеивались, когда она просила сервировочный нож и салфетку. Но Аня всегда была уверена, что в их доме правильный порядок, а других просто этому не учили. Девочка приняла решение: ей необходимо приносить свои индивидуальные столовые приборы на праздники. В первый раз, когда она достала свой нож и вилку из аккуратно свёрнутой хлопковой салфетки, дети и их родители приняли это не похвалой, а ухмылками и подшучиваниями. Не смотря на это, Анна продолжала сохранять осанку и свои предпочтения в этикете. Друзья со временем стали относиться спокойно к особенностям девочки. Аня отстаивала своё право реализации манер, привитых в семье.

Когда Анне исполнилось четырнадцать лет, она влюбилась. По-простому, как влюбляются обычные школьницы. В

тот период заброшенное пианино привлекло внимание с новой силой. Она начала играть. Не по нотам, не по правилам, просто по настроению. Пальцы сами находили нужные клавиши, рождались грустные мелодии. Играла она украдкой, когда дома никого не было. Однажды папа пришёл с работы раньше, зашёл в комнату и стоял, молча наблюдая со спины за тем, как дочь играет. Когда Анна остановилась, отец не выдержал.

— Где ты этому научилась? — удивлённо спросил он.

Аня обернулась. В выражении лица папы она увидела восхищение, которого не встречала раньше. Искреннее, удивлённое, невероятно вдохновляющее. Девочка почувствовала ярко оттенки эмоций. Это было и радостно, и грустно одновременно. Радостно, потому что она смогла пробудить такую реакцию, грустно, потому что для Ани все восхищения ею раньше взрослыми превратились в маски. Её обманывали, но зачем? В тот день девушка для себя поняла, что не всегда стоит верить тому, что происходит вокруг. Внимательней стала присматриваться к мимике родителей, к друзьям. Меньше говорила, больше слушала. Наблюдала, но всё также упрямо носила с собой в свёртке сервировочный нож и вилку. Если её считали ненормальной, почему бы не быть ею? Это же лишает необходимости лицемерить.

Родители посчитали, что у девочки начался переходный период. Влюбленность к мальчику прошла, как только она увидела, что он улыбается не только ей по-особенному, но и

другим девочкам. Теперь Анюту больше привлекали хулиганы. У них всегда мимика соответствовала ситуациям и словам. Только вот отношений хотелось всё меньше. Девушка замечала, как папа иногда отводит глаза в газету, с ухмылкой, после того, как говорит маме: «Да, дорогая!». А мама меняется в настроении резко после возвращения мужа с работы и превращается в другого человека. Аня решила для себя: отношения – это контракт, в котором каждый актёр играет свои роли. Разрушение иллюзорности восприятия мира как по пикселям рассыпало выстроенную в сознании Анны картину. Она росла в теплице, где был свой климат и правила, только стояла эта теплица среди города, в котором живут обычные люди, которые приходят полюбоваться на происходящее в их доме, как на кукольный театр. Находила причины, по которым перестала выходить к гостям. Её стали раздражать сюсюканья и терзание её щёк вместо приветствия. Она перестала делать замысловатые причёски, старательно наглаживать вязанные крючком воротнички. Отправилась в парикмахерскую и для удобства срезала длинные по пояс волосы в модное каре. Она стояла там, в салоне красоты и смотрела на шелковистые золотистые пряди, которые лежали на грязном полу. Но у неё не возникло сожаления, напротив, почувствовала освобождение и непривычную лёгкость в голове.

Дома приняли преобразование Анны с грандиозным скандалом. Сначала ругалась мама, а Анна наблюдала спокойно

за тем, как женщина обретает свои истинные черты, много лет сдерживаемые необходимостью быть покладистой. Потом папа, но для него хотя бы аргументом весомым стало признание дочери, что ей неудобно было носить длинные волосы. «Ну и ладно, отрастут!» — сменил папа гнев на милость, приступая к ужину. Мама не приняла лояльный подход отца к поступку дочери. А у Ани уже крутился в голове следующий пункт плана преобразования своей жизни. Она записалась в спортивную секцию на борьбу. Маму трясло от негодования, со всей накопленной усталостью от необходимости играть роли. Она выкидывала в дочь массу бранных слов и ругани.

Папа одобрил выбор дочери. Так в их доме постепенно рассыпаться начали не только пиксели в сознании Анны, но и пошатнулась важная часть фундаментальных основ нереализованных маминых желаний стать балериной и жить с графом, или что она ещё там мечтала в детстве? Дочь неизбежно отдалялась от семьи, обретая новых друзей среди ребят с секции по борьбе. На фортепиано она продолжила играть, взяв с папы обещание, что он никогда не расскажет об этом маме, чтобы та не повела её за руку в консерваторию или не кричала всем знакомым, что девочка гениальна и обязательно надо послушать, как она музицирует. Старательно сложенный свёрток с вилкой и ножом в белой накрахмаленной салфетке остался в прошлом. Анюте нравилось собираться с ребятами после тренировки и отправляться в ближайшую

пиццерию. Девочка стала приходиться домой поздно, под шипение матери о том, что она «шлюха» и позорит их с отцом, делала уроки и легла спать.

Вопреки всем прогнозам мамы о том, что Анна скатится в школе и не сможет сдать выпускные экзамены, успеваемость девушки была выше средней. Наступил последний год обучения в школе. Отец заблаговременно договорился со знакомым, о том, что дочь поступит в местный университет на факультет журналистики.

В тот день родителей не было дома, раздался звонок, Анна подошла к воротам: услышав знакомый голос друга отца, отомкнула. Выпивший мужчина прошёл во двор.

– Папа дома? — потрепав за щёку девушку, уверенно шагнул в сторону дома.

– Нет, — ответила Анна.

– А мама?

– Тоже дома нет, позже будет.

– Я подожду, угости чаем, — мужчина, опираясь локтём о дверной проём, снимал неуклюже ботинки.

Прошел на кухню, по-хозяйски сел за стол. Анна поставила чайник, насыпала заварку в фарфоровый заварник, достала коробку конфет. Поставила перед мужчиной чашку с блюдцем.

– Ань, а ты чего негостеприимная такая? — рассматривая девушку, мужчина закинул ногу на ногу.

– Почему не гостеприимная? — удивлённо ответила де-

вушка.

– Не улыбаешься, перестала выходить к гостям, когда мы приходим.

– А, так учусь много, сосредоточенная, экзамены у нас.

– Экзамены – хорошо. Ну иди, сядь ко мне на коленочки, расскажешь, — мужчина похлопал по своим бёдрам, словно пытаясь подозвать невидимую собаку. — Иди же, не бойся.

– Дядя Карен, я так-то уже взрослая, чтобы на коленках у мужчины сидеть.

– Это на что ты намекаешь? — мужчина разозлился. — Что это у тебя в голове твоей? Сядь, сказал, иди, а то расскажу родителям, что ты меня соблазнить пыталась.

Анна, поправив халат, села на колени к мужчине, понимая, что не стоит усугублять агрессию.

– Молодец, а теперь поцелуй меня в щёку! — навстречу девушке вырвался смрадный запах алкоголя изо рта визитёра.

Поцеловала в щёку, пытаюсь завершить нелепую ситуацию.

– Чай заварился уже! — Аня встала, взяла заварник.

– Налей и садись обратно. Целуй ещё! Друзья папы – это тебе не мальчишки твои из подворотни. Зла тебе не желают. Запомни. Поцелуй нежно, я знаю, ты умеешь.

Анна встала:

– Ещё слово, и я позвоню отцу и всё расскажу.

– Как ты думаешь, кому он поверит: мне – другу, или те-

бе, маленькой фантазёрке? — мужчина отхлебнул из чашки чай, поставил на блюдце со звоном. — Я поеду, передай папе, что приезжал, а с тобой разговор не окончен. Я найду возможность тебя воспитать правильно, чтобы уважение было.

Аня не могла долго понять, что произошло, решив, что мужчина просто выпивший, это его поведение не связано с личной заинтересованностью, не стала рассказывать родителям.

Подобные намёки начались и после того, как друг отца протрезвел. Если он звонил, и не было родителей дома, Анна пыталась ответить, что вернутся скоро. На что мужчина напоминал, что их разговор в прошлый раз был не закончен, и он найдет возможность, вернуться к нему вновь. Посыпались приглашения на семейные посиделки, на которых обязательно должны присутствовать все члены семьи. Анна с трудом выдерживала взгляды и попытки уединиться с ней. Он приезжал к школе, караулил, когда у неё заканчивались уроки, выучил расписание уроков и наблюдал из машины, мигая фарами. Включал громко музыку, сигналил. Однажды они с мамой шли по улице вместе. Машина остановилась рядом.

— Девочки, вы домой? Садитесь, подвезу! — Карен учтиво открыл двери пассажирских сидений.

Всю дорогу ехал, наблюдая в зеркале заднего вида за Анной: — «Какую музыку включить, из окна не дует»?

Девушка готова была сквозь землю провалиться от навяз-

чивого внимания. Мама после поездки восторженно сделала вывод:

– Галантный и заботливый мужчина.

Анне так хотелось крикнуть ей: — «Разуй глаза, ты, что, не видишь»? но, поняв, что он был прав и саботажное поведение Ани в последнее время скорей сыграет против неё, молчала. Устав от намёков и преследований, девушка приняла для себя решение. Она, после окончания школы, уедет учиться в другой город. Чтобы больше никогда... Никогда не встречать эти красные одурманенные белки глаз и смрад алкогольного выхлопа рядом со своим лицом.

Видеозвонок в ватсапе отвлек Анну от текущих дел.

– Анечка, здравствуй, наша радость! Как ты?

– Мамочка, папочка, всё хорошо! Вы как?

– Ты чего так похудела? — Не сдержался отец.

– Это камера искажает, я в порядке.

Дальше посыпались стандартные вопросы, когда же замуж, что хотят давно внуков и необходимо приехать хотя бы летом к ним погостить. Отчитавшись по всем пунктам, Анна натянуто улыбнулась. Завершила разговор. Открыла почтовый ящик.

«Уважаемый пользователь почтового ящика, национальный проект по поддержанию направления развития искусства и культуры приглашает вас на концерт симфонического оркестра... (Далее много букв о важности роста духовно – нравственных ценностей населения) Просим вас в ответном

письме указать своё решение по поводу посещения мероприятия» Аня внимательно изучила текст, вложенный в письмо электронный билет. Девушку порадовала новость: она давно не посещала подобные мероприятия. Суета города и работа редко оставляли свободные вечера. Ответила согласием в письме. Довольно потянулась. Нога уже почти зажила. Пора искать подходящий наряд для выхода в свет.

Дом музыки

Анна ехала в вагоне метро. Пассажиры заинтересованно разглядывали её, читающую томик Ремарка. Утончённые черты лица, хрупкие запястья. Длинные пальцы, перелистающие аккуратно страницы. Золотистые волосы, завитые в крупные локоны, под чёрным пиджаком – платье-футляр нежного бежевого оттенка, чёрные балетки лодочки. Жемчужное ожерелье на шее переливалось перламутром в свете ламп. Она, словно явилась этому миру из какой-то другой реальности. Движения девушки, плавные, с кошачьей грацией, взмахи ресниц – всё подчёркивало отрешённость от суеты подземки. Стоило Анне отвлечься от чтения, мужчины стеснительно отводили взгляд. Все ждали, когда она, доехав до своей станции, встанет и направится к выходу, тогда они детально рассмотрят таинственную незнакомку и сохранят в памяти её образ. Будто мимолетное виденье, девушка закрыла книгу, убрала в сумку, покинула вагон, оставив за собой ненавязчивый шлейф аромата воздушной свежести.

Тёплый весенний вечер располагал к прогулке по набережной. Анна, уставшая от недельного заточения дома, после травмы ноги предусмотрительно отказалась от обуви на каблуке в надежде, что пешая нагрузка не причинит ей болезненные ощущения. Перед ней – хрустальный ларец невероятных размеров, увенчанный на куполе враща-

ющим золотым скрипичным ключом. Остановилась, замерла, рассматривая архитектурный ансамбль. Десятиэтажное прозрачное здание манило к себе предвкушением наслаждения от выступления симфонического оркестра. Девушка чувствовала себя на своей волне, это приносило ей трепетное ощущение радости и гармонии. Миновав суету на входе, созерцая красоты внутреннего убранства, направилась в сторону зала, указанного в электронном билете.

Пётр Сергеевич, смущённый новыми ощущениями от роли наблюдателя, расположился в кресле. Его мало привлекала возможность рассмотреть помещение: стены, оббитые лиственницей, духовые трубы органа, потолок в форме ракушки с чередой источников света. Он сосредоточенно смотрел на входящих зрителей, в предвкушении реализации своего таланта режиссёра немого кино. Анну узнал сразу, магнетизм девушки не позволял ему отвести взгляд от её движений. Изысканность манер, осанка, аура, переливающаяся разными цветами вокруг неё, удивила его радиусом. Он превышал положенные три метра, откидывая своё излучение на значительно большее расстояние. «Засветилась»! — подумал Апостол. Возникло желание закрыть от всех этот невероятный ореол, спрятать, чтобы не растащили, не прикоснулись. За время изоляции Объект успела не только восстановиться от травмы, но и наполниться энергией. Чем ближе девушка приближалась к своему месту, сигнал о защите и заботе усиливался, вызывая в мужчине разочарование: он уже

недостаточно привлекателен, чтобы лично дать ей это. Откуда эти мысли, если план иной? Разозлившись на то, что волна девушки сбивает его с режима следования цели, Петр написал сообщение Вадиму: «Будешь садиться, зацепи её портфелем». Мужчине было важно пронаблюдать, какотреагирует Анна на провокационную ситуацию, если вытащить её из зоны комфорта. Ему необходимо было подтверждение версии о том, что она опасна для окружающих.

Вадим появился в зале после первого звонка. В очках, с портфелем, рубашка застёгнута по самое горло, клетчатый галстук на крепкой шее сотрудника смотрелся нелепо, словно удавка, туго обвивающая ворот рубашки, абсолютно не подходящая по цвету к его стилю. С коричневыми брюками, обтягивающими его пухлые ягодицы, выглядело всё это нелепо. Апостол понимал, что дал команду соответствовать образу ботаника, но то, что предстало перед ним, мягко говоря, скорее напоминало клоуна из цирка, который в любой момент достанет платок из нагрудного кармана рубашки и будет лить струями слёзы, с целью развеселить зал. Каким образом Вадим планировал привлечь внимание девушки в таком виде? Сотрудник, пробираясь спиной к зрителям, через тесный ряд кресел, нарушил важное правило этикета – не поворачиваться задницей к сидящим. Пётр Сергеевич понимал, что Анна уже обратила на это внимание, теперь играть с ней в ценителя классической музыки у Вадима при всём желании не выйдет. Он уже допустил непростительный

ляп. В завершении своего проступка, толстозадый стукнул Анну портфелем по плечу. Апостол внимательно рассматривал игру цвета в ореоле, но ничего не изменилось. Она не среагировала на воздействие, подав знак, что ей свойственна глубокая интровертность, непоколебимая, и очаровать её, увлекая на своё поле, после череды ошибок, у Вадима шансов нет.

– Извините, не сильно задел? — Вадим обратился к девушке.

– Не сильно, — строгой интонацией прервала Анна желание мужчины к беседам.

После третьего звонка свет выключился. Первые аккорды музыки наполнили зал. Анна, словно зачарованная, прониклась атмосферой единения с искусством. Вадим, развалившись в кресле, широко расставил локти на два подлокотника, чем доставил неудобство рядом сидящим. Пётр Сергеевич рассматривал излучение Анны, в попытке найти хоть какую-то зацепку для обвинений, но всё было тщетно. Не совсем понятно, что вызвало в нём нежные чувства: концертный зал, нахождение в ореоле Анны или мелодии, звучащие вокруг. Но через двадцать минут Апостол ощутил, как что-то тяжёлое словно вытягивается из него воронкой, покидая тело, он чувствовал нутром, его оставляют привычные силы. Он превращается в мягкотелого, покладистого мужчину. Внутренне это развило саботаж подсознания, будто дикого зверя заманили в капкан.

Другая мысль смущала его ещё больше – операция провалена, девушка не подпустит к себе. Его обволакивал страх признаться себе – Анна может стать первой, кто за годы его опыта так и останется нераспознанным Объектом. «Марсианка, сука»! — промелькнула мысль, поддёрнув самолюбие мужчины разрядом тока от укора, что ещё больше усилило в нём желание сблизиться, откачать энергию и оставить девушку в рамках поля, где шансов на развитие личности почти нет. Петру уже неважно было отсутствие доказательств, он упивался своими представлениями о планах мести за свой внешний вид. Даже если он выпотрошит эмоционально эту куклу с целью собственного восстановления, в любом случае, его деяния будут гораздо продуктивней от полученного ресурса. Он сопротивлялся своему волнению. Посмотрел на часы в ожидании окончания первого акта. Поймал себя на мысли, что истощён и коньяк в буфете не поможет. Он уйдёт раньше, не дождавшись окончания концерта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.